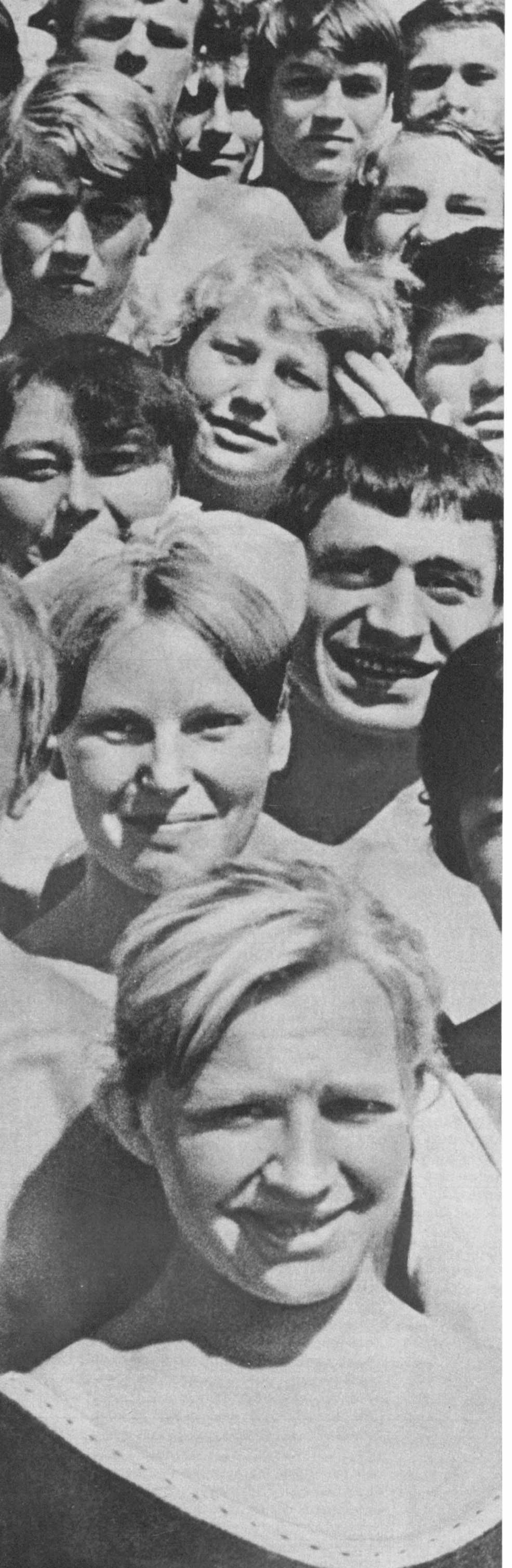
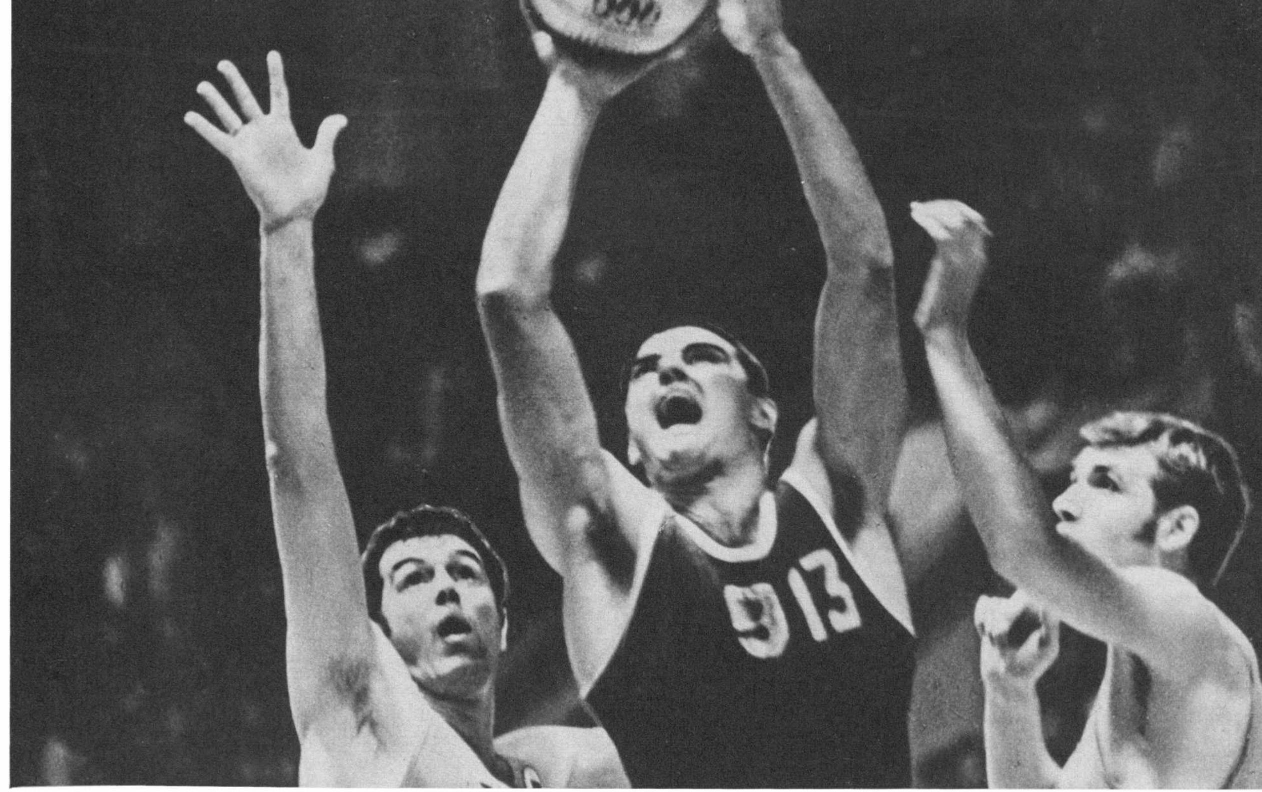

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

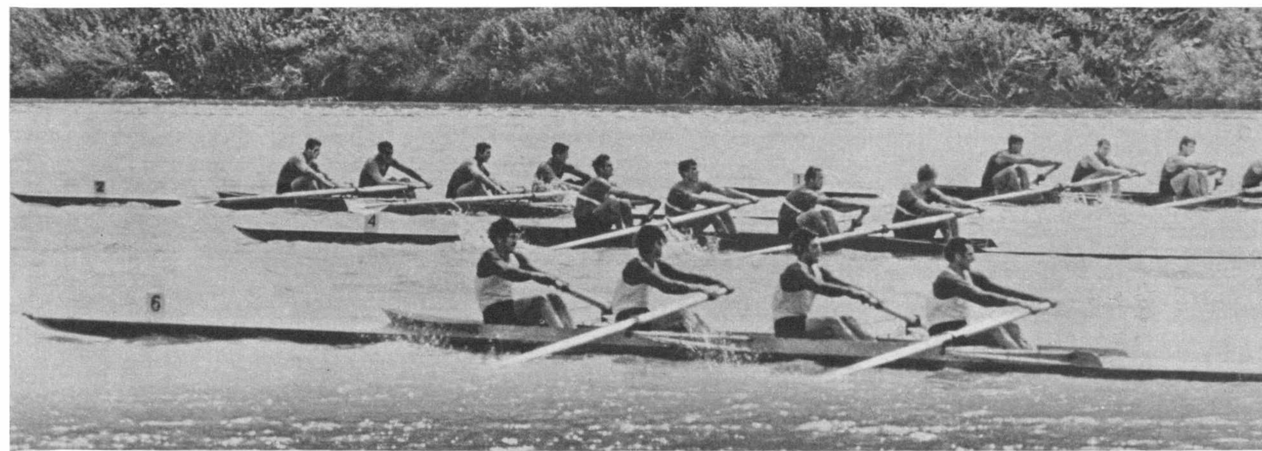

ПРИВЕТ ТЕБЕ, СПАР

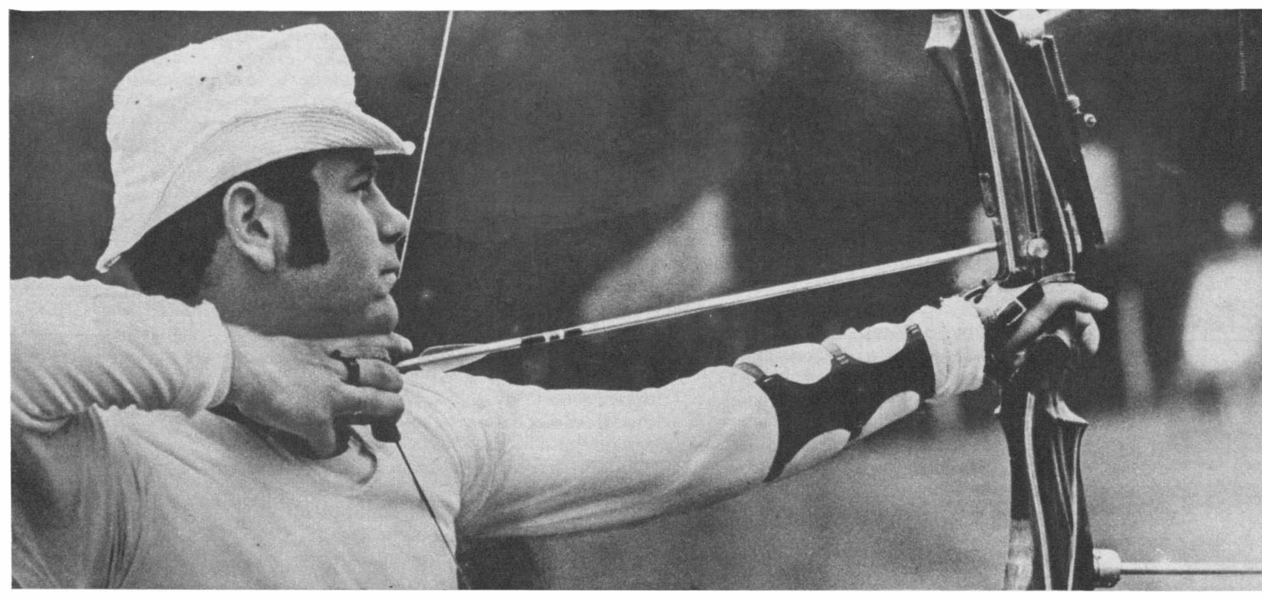

Баскетбольный турнир прошел на самом высоком уровне. Борьбу ведут команды Литвы и Ленинграда.

Гребцы одними из первых взяли старт. Финальный заезд безрульных четверок.

Участники парада V Спартакиады народов СССР.

Первый чемпион Спартакиады стрелок из лука, ленинградец Михаил Пеунов.

ТАКИАДА!

Анатолий КОЛЕСОВ,

заслуженный мастер спорта, главный судья V Спартакиады народов СССР

Фото А. БОЧИНИНА.

Спартакиада народов Советского Союза — явление многогранное, уникальное. Финальная часть Спартакиады по своим масштабам не уступает крупнейшим международным спортивным форумам — Олимпийским играм. Но это только часть, и, очевидно, не самая главная. Главное, что отличает наши Спартакиады,— это старты миллионов и миллионов на

В президиуме торжественного собрания (справа налево): **Ж. Самбу, С. Лувсан, Ю. Цеденбал, А. Н. Косыгин, Ц. Дугэрсурэн.**

Фото специального корреспондента ТАСС В. ЕГОРОВА.

ПРАЗДНИК БРАТСКОЙ МОНГОЛИИ

ее первых этапах в коллективах физкультуры заводов, колхозов, школ, вузов, воинских частей. Попытаться в журнальной статье рассказать хотя бы о самом интересном в Спартакиаде — затея явно невыполнимая. Для каждого она предстает в новом ракурсе. Для дебютанта-спортсмена это возможность попробовать свои силы в первом старте, для мастера — перейти рубеж, доселе никем не изведанный, для «железного зачетника»—втиснуться в серединку протокола соревнования. Но ведь в Спартакиаде участвуют не только спортсмены, но и спортивные организаторы, тренеры, судьи, наконец, зрители. Мне посчастливилось увидеть Спартакиаду с разных точек зрения, я был участником трех Спартакиад, на четвертой стал зрителем, а вот на пятой возглавляю судейскую коллегию.

Финал I Спартакиады для меня совпал с моментом, когда я, молодой борец, еще постигал азбуку спорта и, как выяснилось в финале, дозрел только до 10-го места из 17. (По нынешнему положению дал бы команде «баранку».)

С тех пор довелось мне участвовать в трех чемпионатах мира и на Токийской олимпиаде — четыре золотые медали напоминают мне о тех временах, но 10-е место на I Спартакиаде и сама Спартакиада — это одно из самых радостных воспоминаний в моей спортивной жизни.

Признаюсь, что из всего происходящего в спартакиадные дни мне больше всего запомнилась огромная цветистая чаша Лужников, ощущение взглядов десятков тысяч глаз, строго следящих за выправкой и синхронностью движения нашей казахстанской колонны, поражавшей всех яркостью костюмов. И еще запомнился тревожный и бодрящий одновременно трепет предстартового волнения, когда в противоположном углу ковра стоял такой знакомый по портретам на страницах газет и журналов и в то же время загадочный чемпион мира Владимир Манеев, скрывающий жесткую силу своего характера в мягком прищуре стальных, немигающих глаз и неотвратимую мощь приемов в плавных линиях своих совсем не борцовских плеч.

Сломя голову разудало бросился я раскрывать «знаменитую загадку» и до сих пор думаю, что именно этой возможностью познать себя и соперников в честном, бескомпромиссном поединке спорт и прекрасен. И если спортсмен, будь он новичок или зрелый мастер, без трепета идет на старт, не ждет от него новых открытий, он ремесленник, и это в самом плохом смысле.

Во всяком случае, я убежден, что подавляющее большинство видит в занятиях физической культурой и спортом не только и не столько широко рекламируемое, особенно в последнее время, средство от всех недугов, а наслаждение движением, возможностью физического самоусовершенствования, осознанное ощущение управления своим телом и настроением. И разве не для этого выходят на старты Спартакиады миллионы и миллионы!

А. Колесов на пьедестале почета в Токио. Слева от него К. Тодоров (Болгария), **справа Б. Нестрем** (Швеция).

Фото Л. Бородулина.

Если говорить по большому счету, то на Спартакиадах нет победителей и побежденных. Побеждает всякий, кто выходит на ее старты. Он побеждает леность, инертность, так называемую занятость по горло. «А как же с метрами, килограммами, секундами и зачетными очками?» — пожимает плечами бывалый зачетник. Что ж, очки — необходимый атрибут Спартакиады, с их помощью оцениваются успехи спортивных организаций как в развитии массового, так и большого спорта.

Сейчас еще довольно часто можно слышать вопрос: «А все-таки зачем тратить уйму времени на напряженные тренировки и все ради каких-то там долей секунд? Не лучше ли направить энергию на более достойную цель?» Это, конечно, относят к большому спорту, поскольку человек, трусцой «убегающий от инфаркта», в общем-то ни у кого недоумения не вызывает, разве что тихую зависть соседей. Вероятно, подобные же вопросы задавали тем, кто уходил отыскивать новые материки. Ведь большие спортсмены — это тоже своего рода первопроходцы, раскрывающие поразительные способности человеческого организма.

Самый простой и убедительный пример этому — массовый рост спортивного мастерства. На I Спартакиаде мастера спорта составляли 49,3%, а на IV — 78,6%. На нынешней, V Спартакиаде, по существу, все сто процентов уча-

Торжественно отметила Монголия историческую годовщину — 50-летие народной революции.

В праздновании славного юбилея принимала участие советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, партийно-правительственные делегации братских социалистических стран, гости из многих государств.

В Доме правительства в зале заседаний Великого Народного хурала состоялось торжественное заседание ЦК МНРП, Президиума Великого Народного хурала и Совета Министров МНР, Улан-Баторского горкома МНРП и исполкома хурала депутатов трудящихся, посвященное 50-летию революции.

В президиуме заседания — Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал, член Политбюро ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала Ж. Самбу, другие монгольские руководители, а также член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, члены советской партийно-правительственной делегации, посланцы других стран.

С докладом «50-летие Монгольской народной революции» выступил Ю. Цеденбал.

Горячо встретили участники заседания выступление главы советской партийно-правительственной делегации А. Н. Косыгина.

Как символ советско-монгольской дружбы А. Н. Косыгин передал Центральному Комитету Монгольской народно-революционной партии, Президиуму Великого Народного хурала и Совету Министров Монгольской Народной Республики скульптуру «Встреча В. И. Ленина с Д. Сухэ-Батором» и вручил Ю. Цеденбалу приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

В Улан-Баторе состоялся военный парад, демонстрация трудящихся, большой спортивный праздник, где присутствовали руководители партии и правительства МНР, а также глава советской партийно-правительственной делегации А. Н. Косыгин и другие гости.

На ярославской земле праздник. Тысячи гостей собрались сюда, в село Грешнево, в Карабиху, в Ярославль, чтобы принять участие в торжествах в честь 150-летия со дня рождения великого русского поэта Н. А. Некрасова. На празднике поэзии выступали Алексей Сурков и Берды Кербабаев, Ираклий Андроников и Лев Ошанин, Михаил Дудин и Карло Каладзе, Давид Кугультинов и Юлия Друнина, поэты и прозаики из разных городов России, из союзных и автономных республик.

Большой концерт, на котором исполнялись музыкальные произведения на слова Н. А. Некрасова, состоялся в музее-усадьбе поэта — Карабихе.

На снимке: Карабиха. Выступает симфонический оркестр Ярославской филармонии.

Фото В. Савостьянова и И. Дынина (ТАСС).

стников финальных соревнований будут мастерами спорта СССР. И это с учетом значительного увеличения нормативных требований.

Вот, пожалуй, мы и подошли к моменту, когда есть возможность взглянуть на Спартакиаду с точки зрения главного судьи.

Прежде всего об одной черте всех Спартакиад.

«Спартакиада шагает по стране» — эта ставшая популярной фраза удивительно точна. Спартакиада в самом деле шагает по стране. Ведь даже после окончания всех предварительных соревнований, в которых приняло участие 44 миллиона 722 тысячи человек, финальная часть Спартакиады не вмещается в пределах Москвы. В программу V Спартакиады впервые включены соревнования юношей по трем основным олимпийским видам — легкой атлетике, гимнастике и плаванию, и старты этой Спартакиады юных будут даны в Воронеже, Уфе и Львове. На просторах Рижского залива встретятся яхтсмены. Много новых спортивных сооружений появилось за последние годы, есть где размахнуться спортсменам. Судите сами, только за время с начала I Спартакиады 1956 года количество крупных стадионов в нашей стране выросло на одну треть — с двух до трех тысяч; количество спортивных залов увеличилось почти в пять раз — с девяти до сорока трех тысяч. И немалая доля спортивных сооружений построена руками самих физкультурников.

Вот что пишет из города Шахты ударник коммунистического труда проходчик шахты «Южная» № 1 Н. Воскобойников: «По улице Шудровой, что в нашем рабочем городке, за невысоким забором вполне современный спортивный городок: баскетбольная, волейбольная и городошная площадки, легкоатлетические секторы, гимнастический комплекс, спортивный зал. Это физкультурная база нашей шахты «Южная» № 1. Строили мы ее своими руками». И таких сообщений в ходе первых этапов Спартакиады множество. Они волнуют не меньше, а даже больше, чем сводные таблицы с количеством рекордов, установленных на соревнованиях в Орле, Баку, Андижане или Хабаровске... А рекордов не так уж мало — только в 1970 году было установлено 178 всесоюзных, из них 74 превышают мировые.

Спартакиадный дух сказался и в успешном выступлении наших спортсменов на зарубежных аренах. В 26 чемпионатах мира участвовали в прошедшем году наши атлеты, и 82 советских спортсмена носят титулы чемпионов мира 1970 года, в то время как американцы завоевали только 17 первых мест.

Однако возможности американцев мы взвешиваем трезво. В Мексике на XIX Олимпиаде они буквально из воды бассейна «вытащили» 21 золотую медаль из 29 возможных. Очень окрепли позиции европейских спортсменов, и прежде всего наших друзей — спортсменов ГДР.

Мы рассматриваем финальную, заключительную часть Спартакиады народов СССР как генеральный смотр достижений советского спорта за год до очередной, XX Олимпиады в Мюнхене. Этой цели отвечают и содержание и формула финала Спартакиады. Программа — двадцать четыре олимпийских вида спорта. Система зачета олимпийская, только восемь лучших результатов в каждом виде программы идут в зачет. Высокие достижения поощряются дополнительными очками. Мировой рекорд оценивается так же, как и место чемпиона Спартакиады,— 12 очков, обладатель европейского рекорда получит 10 очков, всесоюзного — 7, а выполнивший норматив мастера спорта СССР международного класса — 5 очков.

Многочисленным зрителям Спартакиады будет на что посмотреть, ведь перед ними выступят 10 тысяч лучших спортсменов всех пятнадцати союзных республик, а размах борьбы предстоит поистине олимпийский.

Вот те главные особенности, что отличают заключительную часть нынешней Спартакиады от предыдущих. И, конечно, хочется надеяться, что в эти дни на стадионах, в бассейнах, в спортивных залах мы услышим о новых спортсменах, которыми в будущем будут гордиться их земляки, весь советский народ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2298)

17 ИЮЛЯ 1971

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

По приглашению Центрального Комитета Трудовой партии Кореи и Кабинета Министров КНДР для участия в праздновании десятилетия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНДР и СССР в Пхеньяне находилась советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

В состав делегации входили член ЦК КПСС, первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П. А. Леонов, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, посол СССР в КНДР Н. Г. Судариков.

В Пхеньяне, во Дворце съездов Мансудэ, состоялось торжественное заседание. В президиуме находились член Политического комитета ЦК, секретарь ЦК ТПК, заместитель Председателя Кабинета Министров КНДР Ким Ир, член Политического комитета ЦК ТПК, заместитель Председателя Кабинета Министров КНДР Пак Сен Чер и другие корейские официальные лица, а также советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро Центрального Комитета КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

«Этот договор, основанный на принципах марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, подлинного равноправия и взаимного уважения, надежно служит великому делу построения социализма и коммунизма в наших странах, обеспечению безопасности и мира на Дальнем Востоке»,— говорится в послании, которое направили Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин Генеральному секретарю Центрального Комитета Трудовой партии Кореи, Председателю Кабинета Министров Корейской Народно-Демократической Республики товарищу Ким Ир Сену и Председателю Президиума Верховного Народного собрания Корейской Народно-Демократической Республики товарищу Цой Ен Гену.

Генеральный секретарь Центрального Комитета Трудовой партии Кореи, Председатель Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сен принял советскую партийно-правительственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

Между Ким Ир Сеном и советскими гостями состоялась дружественная беседа.

На снимке: Беседа товарища К. Т. Мазурова с товарищем Ким Ир Сеном.

ЗЕЛЕНАЯ СТРАДА

Рязанщина... «Как прекрасна земля и на ней человек» — первое есенинское, что приходит в голову, когда окунешься в луговые дали за Окой. Началась, идет зеленая страда! Тысячи косилок валят высокие травы — и на пойменных лугах и на рукотворных пастбищах, где, несмотря на нынешнее бездождье, поднялись и добрая тимофеевка, и красавец костер, и овсяница луговая... Трава нынче большей частью недолго остается в лугах, ее тут же прессуют машины. Помногу ее отвозят и в

На лугах совхоза «Коммунист», Спасского района...

специальные траншеи, где будет готовиться так называемый сенаж. Всего хозяйства Рязанской области заложат не менее трехсот тысяч тонн этого корма, неведомого в здешних местах еще два-три года назад...

И еще одна примета нынешнего сенокоса: с косами и граблями вышли горожане. Оттого и работа спорится!

Итак, коси, коса, пока роса!.. Луговая страда продолжается...

Н. БЫКОВ

Александр Зайцев — передовой механизатор совхоза.

Фото М. САВИНА.

ТУПИК НИКСОНА

Николай ПАСТУХОВ

Эта хрупкая женщина с приятным, одухотворенным лицом покорила весь мир. Она не кинозвезда и не победительница конкурса красоты. На ее долю выпала куда более ответственная миссия — быть послом Совести Человечества на парижских переговорах по мирному урегулированию вьетнамской проблемы.

Нгуен Тхи Бинь — представитель Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам на переговорах в Париже. Я видел ее недавно в Будапеште. Где бы она ни появлялась, в залах ли для заседаний Ассамблеи Всемирного Совета Мира, или на улицах города, всюду ее окружало величайшее уважение людей доброй воли.

Во время одного из перерывов между заседаниями будапештской Ассамблеи мы обратились к Нгуен Тхи Бинь с вопросом: можно ли ожидать каких-либо новостей с парижской улицы Клебер, где происходят переговоры?

— Американцы и их сайгонские марионетки,— ответила Бинь,— блокируют все разумные и конкретные предложения, но зато растет число наших сторонников во всем мире. В конце концов этот процесс загонит вашингтонских политиков в тупик — событие, достойное стать новостью с улицы Клебер.

Слова Нгуен Тхи Бинь наполнились для меня конкретным смыслом в эти дни, когда весь мир живо обсуждает семь пунктов мирного урегулирования вьетнамской проблемы, которые она недавно изложила в Париже от имени своего правительства.

Суть этих предложений сводится к следующему: если США установят предельную дату вывода в 1971 году всех своих войск и войск союзников из Южного Вьетнама, то стороны смогут достигнуть соглашений об освобождении военнопленных, создания в Южном Вьетнаме широкого коалиционного правительства национального согласия и проведения всеобщих свободных выборов.

Сейчас стало очевидным, что эта новая мирная инициатива действительно загнала президента США Никсона в тупик. Мучительная дилемма, которая перед ним поставлена, может оказаться роковой как для его личной политической карьеры, так и для всей глобальной стратегии Соединенных Штатов.

Опубликованные недавно в газете «Нью-Йорк таймс» секретные документы Пентагона о грязной роли США на Индокитайском полуострове усилили оппозицию в США к дальнейшему продолжению агрессии. Характерно, что даже американский сенат недавно принял резолюцию о выводе всех американских войск из Южного Вьетнама в течение девяти месяцев. Поэтому все проволочки с ответом на предложения Нгуен Тхи Бинь будут усиливать изоляцию американских сторонников агрессии.

Новые мирные предложения Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам лишают также Никсона возможности маневрировать в вопросе об американских военнопленных. Как известно, один из излюбленных аргументов Никсона в пользу оправдания агрессии состоял в следующем: Соединенным Штатам, заявлял он неоднократно, необходимо сохранить свои войска во Вьетнаме в течение неопределенного времени, чтобы добиться освобождения военнопленных. Теперь же ему предлагается вывод войск и одновременное освобождение военнопленных. «Таким образом,— комментирует газета «Нью-Йорк таймс»,— доводы, выдвигавшиеся в прошлом самим г-ном Никсоном, приведут к тому, что ему будет исключительно трудно отклонить предложение Вьетконга». Как справедливо замечает другая американская газета, «Вашингтон пост», новые мирные предложения Южного Вьетнама «закручивают гайки президенту Никсону».

Недавняя поездка в Сайгон специального представителя президента США Киссинджера свидетельствует о замешательстве Вашингтона, пытающегося любыми средствами закамуфлировать инициативу Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Но возникает резонный вопрос: во имя чего и кого все это делается? Пожалуй, лучше всего ответить на него словами газеты «Нью-Йорк таймс», которая пишет, что «имеющиеся данные заставляют предполагать, что главная цель Никсона — сохранить сайгонское правительство у власти». Жизнь же убедительно свидетельствует, что это насквозь прогнившее марионеточное правительство лишено всяких корней в стране и является антинародным. Оно не может существовать без опоры на американские штыки.

Тупик Никсона становится еще более очевидным, если учесть, что новая инициатива Южного Вьетнама встретила одобрение во многих странах Запада. Об этом свидетельствуют заявления министров иностранных дел Франции, Швеции и официальных представителей ряда других стран.

Осталось чуть больше года до новых президентских выборов в США. Администрация Никсона в самое ближайшее время должна дать ответ на предложения Южного Вьетнама, полностью поддержанные правительством ДРВ. Каким бы ни был нынешний тупик для Никсона, выход из него все же имеется: справедливое мирное урегулирование вьетнамской проблемы в соответствии с новыми предложениями. Другой альтернативы нет.

Лимонарий — это оранжерея, где круглый год зреют лимоны.

Батумский порт — южные ворота нашего государства.

Историческая реликвия Аджарии — мост через реку Аджарисцкали близ села Махунцети — построен еще в двенадцатом веке.

Аджарской АССР — 50 лет

Фото И. Тункеля и Н. Анастасьева (ТАСС).

РЕСПУБЛИКА СОЛНЦА

Аджария... Этим словом воображение рисует картину в тропиках: пальмы, густые зеленые заросли, синее море, горячее солнце. Аджария — один из уникальных природных уголков нашей страны на берегу Черного моря. Автономная республика, входящая в состав Грузинской ССР. Ныне в республике праздник: Аджарской АССР — 50 лет.

...Это было так. Сначала в ночь с 16 на 17 марта 1921 года из центра Аджарии — Батуми бежало морем за границу, теснимое восставшим народом, меньшевистское правительство. А потом возникла советская автономная Аджария.

Неузнаваемо преобразился этот край за 50 лет. Вместо джунглей — сплошные плантации чая и цитрусов, 14 чайных фабрик, сотни колхозов и совхозов. Город Батуми — самые южные морские ворота нашей Родины. Порт. Нефтеналивные причалы. Молодое грузинское пароходство. Большой нефтеперерабатывающий завод. Судостроительный завод. Машиностроение и станкостроение. В 256 раз увеличился за годы Советской власти объем промышленного производства в республике. Здесь сейчас 9 научно-исследовательских учреждений, педагогический институт, филиал Грузинского политехнического института. Каждый четвертый человек в республике учится.

А курорты? И сам город Батуми и прилегающие к нему приморские местечки — сплошная зона отдыха для трудящихся Советской страны, которые и глубокой осенью и зимой ищут в этих краях тепла. Аджарские санатории и дома отдыха круглый год открыты для них.

Аджария — исторически неотъемлемая часть Грузии. Но 300 лет ею владели турки, проводя исламизацию грузинского населения. Победа русского оружия в русско-турецкой войне 1877—1878 годов соединила аджарцев с родной Грузией, а Советская власть 50 лет тому назад открыла широкие перспективы экономического и культурного возрождения народа.

Ия МЕСХИ

ЮНЫЕ АРАБИСТЫ

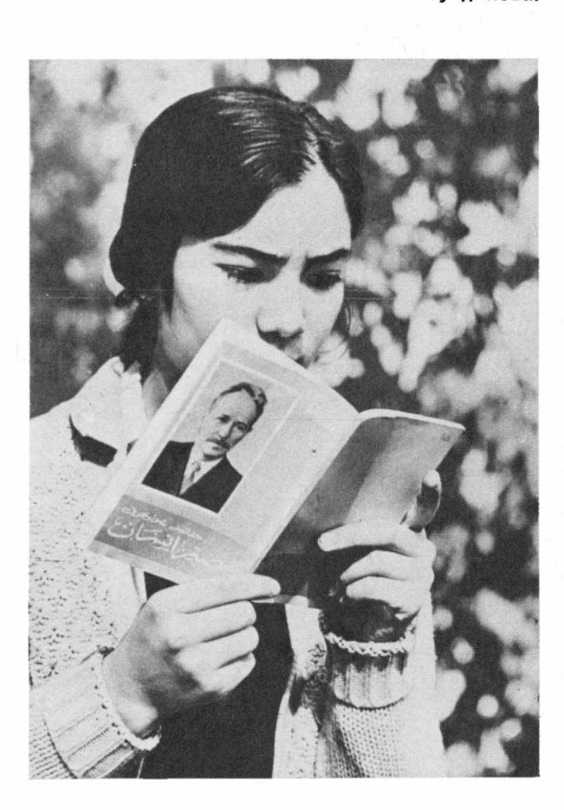
Приезжающие в Советский Союз гости из арабских стран всегда и всюду чувствуют братскую заботу и сердечное внимание советских людей. В Ташкенте же они могут на улице услышать и родную речь и популярную арабскую песню, встретить возле гостиниц, в вестибюлях театров, на стадионах живописные группы своих земляков, оживленно беседующих с окружившими их ребятами и девчонками в узбекских тюбетейках. Ташкентцы уже знают: это юные арабисты, учащиеся специальных средних школ, встретились с новыми друзьями. В этих школах часто устраиваются интернациональные вечера. На таких вечерах говорят только по-арабски. Хоровой и драматический кружки показывают программы, составленные из народных песен и танцев, из произведений современных арабских писателей, поэтов, композиторов. Здесь можно отведать арабские кушанья и напитки, тут соблюдаются национальные обычаи. В общем, на таких вечерах все по-арабски.

Старший референт отдела народного образования Совета Министров Узбекистана Раиса Григорьевна Косых рассказывает:

— В Ташкенте арабский язык и литературу, историю и географию, экономику и культуру изучают в трех школах. Это три с половиной тысячи учащихся! Многие из них продолжают свое образование на восточном факультете Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина. Они станут высококвалифицированными арабистами.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Школьница Саида Бадалова читает «Судьбу человека» М. Шолохова по-арабски.
Фото Р. Шамсутдинова.

ЕВРОПЕ—МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

В Москве 12 июля состоялось расширенное заседание бюро Советского комитета за европейскую безопасность. Оно обсудило доклад председателя комитета А. П. Шитикова о консультативной встрече общественных деятелей европейских стран, проходившей 22—24 июня в Брюсселе, а также ближайшие задачи комитета.

Бюро одобрило деятельность советской делегации на встрече в Брюсселе, приняло решение поддержать коммюнике встречи и присоединиться к инициативе, проявленной этой встречей по созыву ассамблеи общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе.

На снимке: во время заседания. Выступает председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, председатель Советского комитета за европейскую безопасность А. П. Шитиков.

Фото А. Конькова и Б. Трепетова (ТАСС).

Вести из министерств

РЫНКОВ РАЗНЫЕ РЯДЫ...

На заседании коллегии Министерства торговли РСФСР рассмотрен вопрос о торговле на колхозных рынках, о путях ее развития и улучшения. Поводом для разговора послужил анализ работы рынков Белгородской области — белгородчан критиковали за отсутствие инициативы, за медленное строительство новых рынков, за недостаточную реконструкцию существующих.

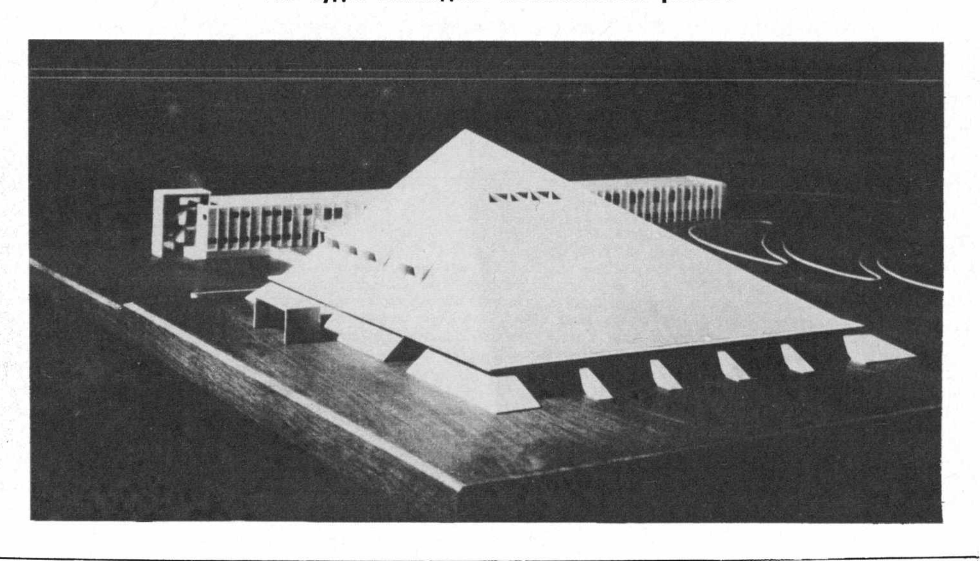
Сейчас в Российской Федерации 3 400 рынков. Некоторые из них в эти дни переезжают в новые помещения. Москва в наступившем пятилетии предполагает построить восемь новых рынков. Они расположатся в Бауманском, Дзержинском, Киевском, Ленинском, Москворецком и других районах. В Саратове недавно распахнул свои ворота и двери крытый рынок на 1 200 торговых мест. В минувшем году новые рынки появились и в Куйбышеве и Рыбинске. С подлинно сибирским размахом строится Новосибирский рынок.

Архитектурно интересен рынок, запроектированный для Тольятти. Большая четырехгранная пирамида (это технологическая находка, позволившая увеличить объем торгового зала!) разместит 250 зимних и столько же летних торговых мест. Рынок оснащается современным холодильным и транспортным оборудованием. Найдет свое место на рынке цветочный отдел. Здесь будут небольшие бассейны, в которых цветы дольше сохранятся.

Всего в ближайшие годы в городах и рабочих поселках Российской Федерации намечается открыть 80 рынков почти на 32 тысячи мест.

Ф. РЕЗНИКОВ

Так будет выглядеть Тольяттинский рынок.

Профессор А. Н. Похвиснев и мастер В. М. Федченко.

Фото А. Бочинина.

18 июля — День металлурга

ЖИВАЯ НАУКА

В ночь на двадцать второе апреля этого года домна № 2 Орско-Халиловского металлургического комбината должна была выдать первый после капитального ремонта чугун. Наизготове у стальных пик и кислородных трубок, с помощью которых обычно пробивают в печи летку для первого выпуска чугуна, стояли горновые. Мастер Матушко приказал прекратить наконец подачу воздуха и кислорода, и в ту же минуту чугун, ко всеобщему удивлению, мощным ослепительным потоком вырвался из летки сам. Подручным оставалось следить лишь за тем, чтоб огненная лава не свернула с положенного ей пути...

— Для меня это было полной неожиданностью,— рассказывал потом научный сотрудник кафедры руднотермических процессов Московского института стали и сплавов В. М. Клемперт, приехавший на задувку домны в Новотроицк.— Я впервые видел, чтобы металл пошел из печи сам, без вмешательства человека, можно сказать, «автоматически». Словом, это был блистательный финал важного научно-промышленного эксперимента.

Что же это был за эксперимент?

После того как строители сдали печь, доменщики в ее чугунную летку вставили специальное устройство для вдувания кислорода и воздуха. Ночью двадцать первого апреля домну начали загружать, и так дней через десять, в лучшем случае через семь, она должна была выйти на плановое задание. Пополудни по этому самому устройству ввели под давлением одновременно воздух и кислород. И тут-то начались чудеса. Процесс пошел весьма энергично, и уже к исходу вторых суток сплав был готов. Пробив летку, он сам себе открыл ворота, избавив людей от тяжелого труда. И еще на пятые сутки в полтора — два раза быстрее обычного было достигнуто плановое задание.

При столь эффектном, невиданном в практике, скоростном выпуске чугуна не играл оркестр и не подносили никому цветов. Просто некому было подносить, потому что главный «виновник» происшедшего мастер Василий Маркович Федченко не был при сем.

Цветы были в Москве уже после того, как он успешно защитил свою кандидатскую диссертацию. Я тогда спросила у него, почему он не пошел на выпуск.

— Чтоб быть объективным,— отвечал он.— Я сознательно отстранился от испытаний, не прикасался к ним, чтоб не вносить, так сказать, ничего личного. Ведь кое-кто сомневался, даже побаивался этого эксперимента — думали, что не получится.

— Представляю, как вы волновались. Интересно, чем вы занимались в тот памятный вечер под ночь на 22 апреля?

— Спал. Я был предельно измотан,— как бы извинялся за свою «сонливость» Федченко.— Я работаю мастером на соседней, третьей, печи и после ночной смены целый день сидел над диссертацией. Защита была назначена на конец мая — начало июня, и времени оставалось очень мало. Что же касается самой плавки,— продолжал мастер,— то в ее благополучном исходе я был уверен. Прежде чем предложить этот способ продувки и устройство для него, я переворошил буквально всю, какая только есть, литературу по этим вопросам — русскую, английскую, немецкую, японскую. Кислород и воздух вдували в печь давным-давно. Но как? Через фурмы, в наружный, близлежащий слой шихты. Происходило местное, очаговое прогревание. Но почему-то никто раньше не решался подать дутье в самую сердцевину домны, на ее ось. Мой личный опыт — я работаю на печи 17 лет,— изучение опыта работы печей Магнитогорского, Кузнецкого и Нижне-Тагильского комбинатов, на которых я бывал, показали, что можно смело идти на такой эксперимент. Тогда я поехал в Москву к заслуженному деятелю науки и техники, патриарху доменного дела профессору Анатолию Николаевичу Похвисневу. Он меня поддержал, дал свое «добро». Помогли и товарищи на заводе. Олисову, начальнику технологической группы, Некрасову, главному инженеру комбината, Курунову, старшему преподавателю кафедры Института стали и сплавов, и мне было выдано авторское свидетельство на устройство для задувки воздуха и кислорода. Изготовить его можно в любом цехе без каких-либо капитальных затрат.

Так у горна домны рождалась самая интересная глава диссертации мастера Федченко. Оригинальны и остальные ее разделы. В них тесно связаны теория и практика. Во время защиты диссертации оппоненты подчеркивали, что исследование имеет прикладной характер, позволяет интенсифицировать весь доменный процесс.

— Ну, а что же теперь?— спросила я Федченко.

— Вы имеете в виду мою работу на заводе? Должность у меня, конечно, нелегкая. Работа грязная. Это так, но интересная. Все в твоих руках — изучай, исследуй, ставь опыты.

Людей, подобных Василию Марковичу Федченко, немало в рядах советских металлургов. На предприятиях Министерства черной металлургии СССР 234 специалиста имеют ученые степени и ученые звания.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

К. ЧЕРЕВКОВ

— Пройдите в комнату направо, наденьте галоши,— предупредил вахтер в проходной.

Летом, в сухую погоду, по асфальтированному фабричному двору — и в галошах? Да, в галошах. Перед входом в цехи надо еще непременно встать в галошах на резиновый коврик, смоченный специальным раствором. У машин, въезжающих на фабрику, колеса обмывают в дезинфицирующем растворе на ходу, у самых ворот.

Эти порядки обязательны для всех, кто приезжает на Русско-высоцкую бройлерную фабрику. В ее цехах выращивают мясных цыплят. И все эти санитарные строгости, введенные на фабрике и в цехах,— прочный заслон против инфекционных болезней цыплят.

Летним днем шагаем из цеха в цех в галошах, белых халатах и колпаках, наблюдая, как на промышленной основе организовано крупнейшее мясное птицеводческое хозяйство.

— Это наш родильный дом.— И главный технолог К. М. Капская ведет нас в инкубационный зал.

Восемь сверкающих белизной шкафов. В каждом 45 тысяч яиц. В течение девятнадцати суток они совершают колебательное движение по оси, равномерно обогреваясь. Операторы наблюдают за температурой, влажностью, циркуляцией воздуха...

На девятнадцатые сутки из яиц выбираются на свет желтенькие пушистые птенцы. В первый час выводки идет тщательная отбраковка и сортировка. На выращивание оставляют только здоровых. С этой поры у всех одна забота — как без потерь вырастить хороших, мясистых, вкусных бройлеров.

...Первые часы жизни. Кучно, точно горошины в огромных ситах, теснятся новорожденные. Их 75 тысяч. По тому, как они сгрудились, видно, что им хочется больше тепла. Цыплята быстро привыкают к коллективной жизни. Когда через восемь суток уберут круглые ширмочки, они не воспользуются предоставленной свободой, не разбегутся, а по-прежнему будут жить в тесноте, но вместе. И все эти дни неотступно с ними опытнейший оператор Г. А. Николаева.

Причин для волнений у работников фабрики предостаточно. Чтобы вырастить партию полновесных бройлеров, необходимо 70 дней. Но технологический процесс непрерывен, и днем и ночью. Два раза в неделю закладка — два раза в неделю выводка. И все время за новорожденными нужен глаз да глаз.

...Вдруг замечено: цыплята тяжело дышат, мало едят и много пьют. И тогда приходится менять рацион, чтобы поднять цыплячий аппетит. В меню входит много всяких продуктов: кукуруза, пшеница, подсолнечный жмых, рыбная мука, сухое молоко, ракушки, шрот подсолнечный, травяная мука, витамины... Рецепты разные: один — для первого периода, второй — для стартового. На разных этапах — разное кормление, разные тепловой и световой режимы. В фабричных лабораториях систематически производят анализы кормов, исследуют качество цыплят.

Русско-высоцкая бройлерная фабрика известна своим новаторством: на линиях тут созданы кормораздатчики, автопоилки, применен бригадный способ обслуживания бройлерников, механизирован убой птицы.

Ежегодно фабрика сдает в торговую сеть свыше двух миллионов бройлеров. Средний вес каждого — 1 329 граммов. Они очень вкусны, эти цыплята. Хозяйки готовят из них отличное жаркое, цыплят «табака». Но русско-высоцкие птичники считают, что их бройлеры слишком нежны для «табака». А когда их жарят в духовке и заливают сметаной, вот тогда они особенно хороши...

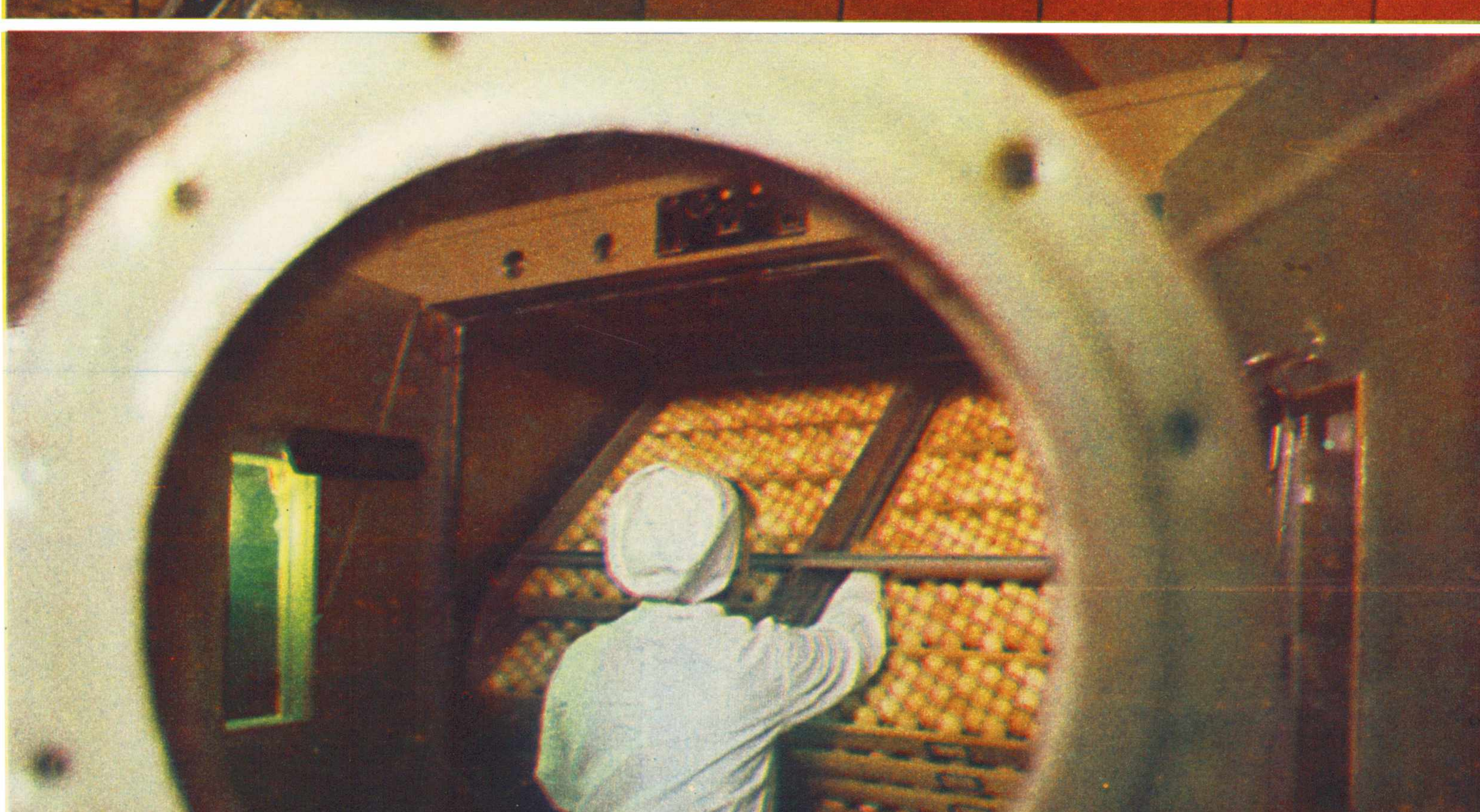
Производство бройлеров заметно выросло за последние годы. В Ленинградской области теперь работают три бройлерные фабрики производительностью два миллиона мясных цыплят каждая. В нынешней пятилетке будут построены новые, такие же крупные предприятия.

Алла Ивановна Титова, хозяйка маточного стада.

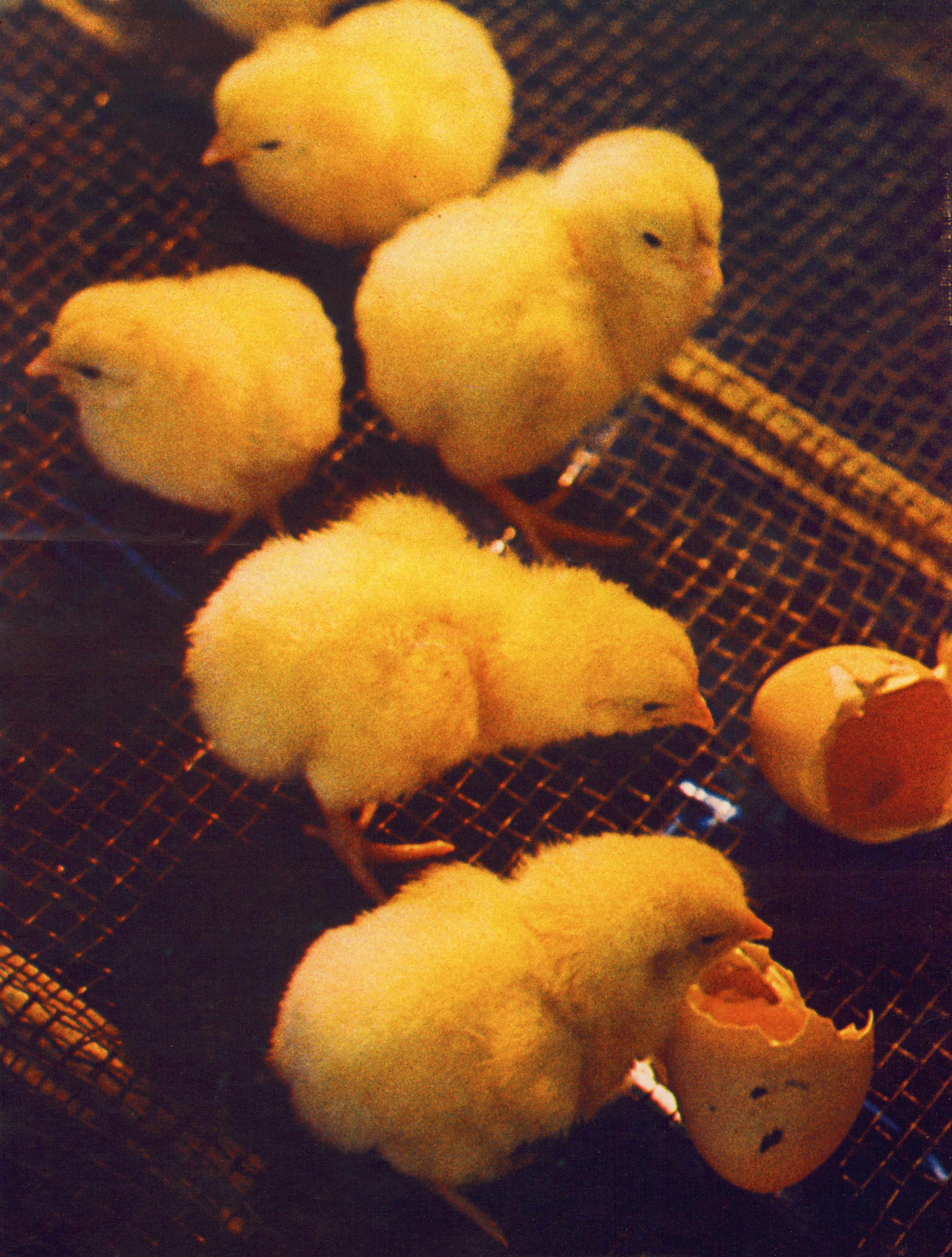

Выращивание бройлеров под электрообогревом.

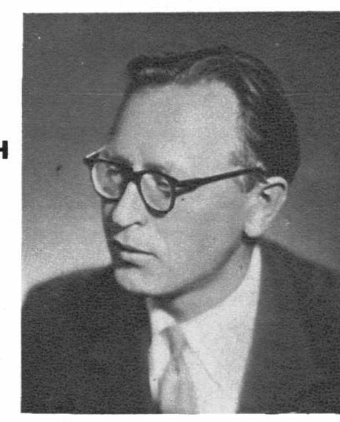
Инкубационный шкаф.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

СВЕТЛЫНЬ

Владимир
СЕМАКИН

* * *

По откосам железных дорог,
где, казалось бы, все задубело,
густо-густо разросся вьюнок,
зацветающий розово-бело.

Уроженец межи полевой,
он и тут, весь в мазутных накрапах,
сохранил для прохожего свой
первородный томительный запах.

Не без меду в его тайниках,
как положено доброму цвету...
Товарняк надвигается, как
Змей-Горыныч,— спасения нету.

Только-только очнется цветок —
не один Змей-Горыныч, а двое.
То-то встреча: один на Восток,
а другой на Москву головою.

А в ночи еще бешеней стук —
и попробуй усни, бело-розов!
Но цветок — словно преданный друг
паро-, тепло- и электровозов.

А его всё зовут полевым,
как поныне меня деревенским,
словно жил я — не глатывал дым
на заводе, тогда еще энском,
не крепился в ночную, как мог,
забывая, что нет уже мочи...

Завивается, вьется вьюнок,
словно не было тягостной ночи.

* * *

Все-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?
А. Блок.

Поклон, поклон тебе земной
за то, что ты, моя помощница,
хлебнувши горюшка со мной,
и не подумала поморщиться,

за то, что жил не без любви,
пускай тревожной и рискованной,
за звон, разбуженный в крови
и поцелуями раскованный,

за то, что — так и не пойму,
с того ль, что это ты кудесила,—
где было б лихо одному,
с тобою мне смеялось весело.

А был нелегкий перевал,
крутое время — все бывало в нем,—
ни я тебя не баловал,
ни сам на свете не был баловнем.

Под поздний крик перепелиц,
не веря в зимнее уныние,
былинки так переплелись,
что достоят, авось, до инея.

А если в некий горький час
по-за неведомой излукою
любовь кому-нибудь из нас
вдруг обернется сущей мукою,

спрошу сквозь ветер ледяной,
неумолимый не на шуточку:
«Была ль ты счастлива со мной
когда-нибудь хотя бы чуточку?»

И если скажешь, что была,
была хотя бы малость малую,
то не напрасно ты ждала
свою весну, по-майски шалую,

и я не зря к тебе торил
тропинку сумерками зябкими,
торил — подснежники дарил,
дарил черемуху охапками.

* * *

Я спешу? Нет и нет!
Я, как дома, спокоен.
Вон любой континент
у меня под рукою.

Говорю: — Это да!
Постаралась наука,
если скорость куда
больше скорости звука.

Только нынче и впредь,
ее свистом задетый,
не хочу столбенеть
перед скоростью этой.

Но смекнул записной
стихотворец, похоже,
дескать, век скоростной —
и поэзия тоже.

Новомодный Боян,
восхваляющий скорость,
и не помнит про ямб,
начиненный, как колос.

Ушлый, носится с ней,
словно с писаной торбой...
Да, она помощней,
чем пустынник двугорбый,

да, ее турбовинт
паровозу не пара —
хоть кого удивит
этот винт после пара.

Но сижу вот — привык —
с леденцом за щекою,
и любой материк
у меня под рукою.

И никчемно пусты
чьи-то ахи и охи:
никакой суеты,
никакой суматохи!

* * *

Боится новосортная пшеница,
что слишком приспособчивый осот
и прорастет, и пышно опушится,
и под пушинкой семя припасет.

* * *

Я стал бояться в самом деле,
заезжий летний отпускник,
ужей и ящериц... Ужели
я так от сельщины отвык?

Лихой ныряльщик-забияка,
сигавший запросто с моста,
гляжу я что-то, как бояка,
с крутобережий в омута.

В свою заглядываю душу —
и еле сдерживаю вздох:
а вдруг однажды перетрушу
и перед ней?
Не дай-то бог!

* * *

Не избегнул и я неизбежных,
до нутра пронимающих враз
то лукавых, то ласково-нежных,
то шальных, то задумчивых глаз.
Не мое ли стучащее в ребра
просто жить разучилось без них,
переменных, а в сущности добрых
и, когда только вынудят, злых.
Разомлело мое голубое,
непредвиденно взятое в плен
златокарею их ворожбою,
постоянностью их перемен.

* * *

Все это было не однажды.
Не я один, не я один —
душою мучается каждый,
кому недолго до седин.

Срываю походя травинку,
зачем-то мну ее в руках.
Земле все это не в новинку,
а мне впервые как-никак.

Не больно было мне, мальчишке,
мне, беспечальнику тому,
об этом ведать понаслышке,
а вот изведать самому...

Кому скажу? А если крикну,
в поля, как в море, канет крик...
К себе — такому — не привыкну,
к себе — другому — я привык.

Тужу в июле об июне,
и только, кто ни укоряй,
душа, как полночь в полнолунье,
светлынью полнится по край.

И той, чье имя золотое
созвучно солнцу и весне,
сказать в глаза, что я не стою
ее тревог, легко ли мне...

В никем не кошенной зеленой,
не зная толком, что́ со мной,
стою, счастливый, изумленный,
смущенный тайною земной.

Мне всё в новинку, всё в первинку,
и долго, щурясь на свету,
я горько-пряную травинку
держу во рту, держу во рту...

◀ Им от роду три часа...

ХОЗЯ

Людмила Полубенцева — хозяйка леса.

Каждому свой транспорт.

ЕВА ТАЙГИ

Л. МОНЧИНСКИЙ

Фото Г. КОПОСОВА.

Только вечером, после девятичасового похода по таежной тропе, мы достигли вершины Аглуй — как называют эту гору в Восточном Саяне буряты. Внизу лежала Тункинская долина. Она казалась зеленым домотканым холстом, забрызганным чернильными пятнами озер.

— Наши угодья в стороне от убегающих гор,— сказал Владимир Полубенцев. Он стоял на краю пропасти, опираясь на ружье.

Так началось наше путешествие по охотничьим угодьям братьев Полубенцевых. Два дня бродили мы кабаньими тропами, вспугивали чутких косуль, поднимали с гнезд ленивых кобылух.

— Вот здесь однажды в капканы попали сра-

зу четыре рыси,— показывал Владимир.— Я так растерялся, что чуть было не упустил кошек!..

— А сейчас упустил бы?

— Сейчас облиняла немного,— хохочет Володя,— промашки не должно быть.

Идем дальше. Тропа делает резкий поворот и, обогнув громадный ствол сухой лиственницы, выбегает на лужайку, покрытую широкими листьями бодана. У скалы — памятник. Братья замедляют шаг, снимают кепки.

— Могила Болданова Басатая, геолога. Ему почти девяносто лет было, когда смерть почуял.— Николай Полубенцев замолкает.— Не пожелал дома умирать. Ушел в горы и там дожил свой последний час. Великий был Басатай охотник!.. Старика нашли рано утром. Он лежал у костра, а рядом с ним был верный Мурад.

Долго еще рассказывали братья о Басатае. История, замешенная на вымысле, но удивительно интересная. За разговорами не заметили, как спустились в долину. Ее зеленая чаша была наполнена теплым, душистым воздухом.

— А вот и наш Долбай,— вытянул вперед руку Геннадий.

Долбай в переводе с бурятского — лесная поляна. Стоит на ней единственный дом, руб-

Дела и заботы дома Полубенцевых.

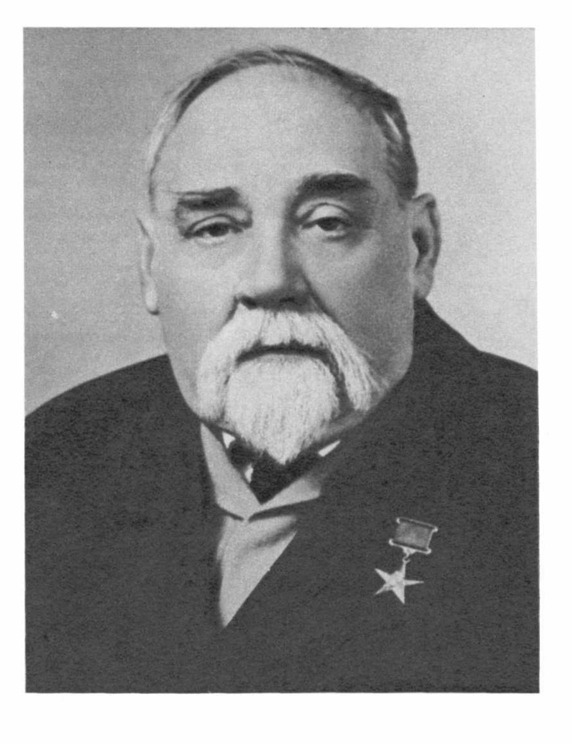
22 июля исполняется 95 лет Герою Социалистического Труда профессору Федору Николаевичу Петрову.

Мне выпало счастье много лет работать секретарем, помощником, референтом Федора Николаевича, принимать участие в его многочисленных встречах с молодежью, для которой старый революционер — член партии с 1896 года — стал прекрасным примером.

Удивительный это человек! Пяти лет ему не хватает до ста, а он продолжает работать. Каждый день отправляется на службу — он член редколлегии Большой Советской Энциклопедии, одним из основателей которой был еще в 1925 году. Федор Николаевич редактирует статьи, много пишет — и не только для энциклопедии, но и для газет, журналов...

Но случаются свободные минуты, и тогда, отложив перо, Федор Николаевич охотно рассказывает о своем детстве и юности, о своих первых шагах в революционном движении, о горячих днях революции и гражданской войны. Речь у него красочная, образная, хоть записывай.

Я и записывал. Некоторые из этих записей предлагаю вниманию читателей.

«ТОВАРИЩ ДОКТОР»

Захар ДВОЙРИС

Фото автора.

Одна из окраин Киева называлась когда-то «Зверинец». Здесь, в землянках с подслеповатыми окошками, ютился рабочий люд, в основном с «Арсенала». Там работал отец Федора Петрова, а с двенадцати лет и сам он.

Шестнадцатилетним парнем Федор впервые попал в революционный кружок, которым руководил студент Влас. Он принял участие в смышленом молодом рабочем и предложил ему готовиться экстерном за курс гимназии. У Федора были блестящие способности, и, окончив гимназию с золотой медалью, он поступил на медицинский факультет Киевского университета. К тому времени Федор Николаевич уже был убежденным марксистом.

Революционно настроенные киевские рабочие решили издавать нелегальную газету. Нужен был шрифт. А его можно достать только в Москве. За этим-то шрифтом руководители подполья послали молодого революционера Федора Петрова по кличке «Товарищ доктор».

В Москве Петров пришел по указанному адресу, позвонил и услышал вопрос: «Кто там?» Федор ответил паролем: «Не у вас ли продается виолончель?» — и тотчас же послышался отзыв: «Нет, но есть хорошая скрипка». Дверь отворилась. Перед приезжим стоял молодой человек в студенческой тужурке, коротко отрекомендовавшийся: «Ульянов, Дмитрий». Молодые люди быстро разговорились — сперва об учении (Ульянов тоже был студентом-медиком), а затем о том, что волновало их больше всего. Федор хотел как можно больше узнать о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» — в Киеве они тоже подумывали о создании такого союза. Дмитрий рассказал, что в Петербурге эта организация, хоть создана и недавно, успела уже организовать забастовку ткачей на фабрике Торнтона и выпустила листовку.

— Вы что, были в Питере? — живо спросил Федор, заинтересованный рассказом.

— Да нет,— смутился Дмитрий.— Товарищ у меня там есть.

— А вы читали такую вещь — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»?

— Читал.

— Замечательно, правда? Не знаете, случаем, кто написал?

— Нет,— ответил Ульянов и почему-то смутился.

Ночевал Федор у своего нового знакомого на диване, над которым висел портрет старой женщины с седыми волосами и ласковым взглядом. «Мать, наверное,— подумал Федор.— Красивая. Ульянов, Ульянов... Знакомая фамилия». И вдруг сел.

— Не спите, товарищ Дмитрий? Я хочу спросить: Александр Ульянов, которого казнили в восемьдесят седьмом, вам не родственник?

Дмитрий долго молчал, потом сказал: «Брат».

Утром Ульянов объявил, что на лекции не пойдет, а покажет гостю Москву. Несколько часов бродили по Первопрестольной, затем выбрались на Пятницкую, здесь взяли извозчика и покатили к Павелецкому вокзалу. На вокзале, светившемся вечерними огнями, в самой толчее и сутолоке к Ульянову подошел какой-то парень — Федор сразу признал в нем мастерового,— что-то шепнул и быстро пошел к выходу. За ним отправились и Федор с Дмитрием. Шли долго, наконец очутились в каком-то дворе. Тут к мастеровому вышел старичок, отомкнул замок на сарае, затеплил свечку и кивнул мастеровому:

— Давай!

Мастеровой живо принялся разбирать поленницу, под ней оказался лаз в подполье, из которого парень вытянул корзинку.

— Вот она, цельная типография,— сказал старичок.— По буковкам собирал, таскал от Сытина. Ну, топайте! — вдруг заторопил он.

Мастеровой, крякнув, взвалил корзинку на плечо, и все трое зашагали по переулку. Вышли наконец на широкую улицу, в конце которой маячил городовой. Тут мастеровой передал корзинку Ульянову и стал прощаться.

— Дальше идите сами, а то городовик увидит: два студента, да еще рабочий с корзинкой какой-то, сразу заподозрит неладное. Счастливо, товарищи!

Ульянов нес корзинку с видимым трудом, и Федор потребовал:

ленный из толстенных лиственниц. Хозяйка Акулина Михайловна говорит, что постарела вместе с домом, но он еще крепкий. Мы пили здесь парное молоко с пышными шанежками и слушали неторопливый рассказ.

...Давно, быть может, еще в середине восемнадцатого века, пришел в Сибирь ее прадед, своенравный и дерзкий казак Иван Полубенцев — «с царем повздорил». Не один, много непокорных угодили в дикое место, окруженное высоким строем «побритых» гор, которые зовут гольцами. Оседали бунтари в бурятских улусах. А улица, на которой селились они, обычно получала название «Российская». И казак Полубенцев поселился на такой вот Российской в небольшом поселке Тунка. Ссыльный художник, участник польского национально-освободительного движения, Станислав Вронский так описал этот край: «Тунка — глухой и тихий, заброшенный уголок, но красивый и чудный своими великолепными пейзажами. Горы совершенно иных очертаний и форм, и лес громадный и могуче-нетронутый».

Зверья в том лесу было полно. Иван Иванович, мужик не из больных, петлями ловил лисиц, свирепых росомах. А однажды руками задушил двух волков. С него-то и началась охотничья слава Полубенцевых.

Правнук Ивана Полубенцева, Иннокентий, тоже был охотник, работал лесником в этих лесах. Жил километрах в десяти от села Туран в доме, стоящем посреди громадной лесной поляны, от нее и пошло название «Долбай». Перед войной Иннокентий Алексеевич умер. И осталась Акулина Михайловна Полубенцева одна с ребятишками: пять сыновей и две дочери! Из тайги не ушла. Детей держала в строгости. Рано они узнали труд. По утрам запрягала серого иноходца Трошку, кутала в теплое тряпье ребятишек, везла их в школу. На обратном пути со старой берданкой мужа забиралась по глубокому снегу в кедрач. Если удавалось поднять глухаря, вечером все были сыты. Когда старшему, Николаю, исполнилось четырнадцать лет, он пошел работать в колхоз. К тому времени парень уже и топором владел не хуже взрослого.

Подросли дети. Сыновья в армии отслужили. Теперь Николай и Анатолий — шоферы, Нина — продавец в магазине. Геннадий, Алексей и Владимир — профессиональные охотники, младшая, Люся, окончила лесотехнический техникум и работает в местном лесничестве. Люся — девушка ладная, у нее сильный голос. Старший лесничий Туранского хозяйства Намсарай Улукшонов говорит:

— В Акулину Михайловну дочь пошла. Строгая. Однако колючая, сладу с ней нет, если правоту свою чует.

Взять облепиху. Много ее было в Тункинской долине, пока люди не поняли, какая целебная сила таится в этой таежной ягоде. И началось! Приезжали за ней на машинах, ломали ветки. Ягода тоннами уходила на рынок, а кустарник погибал. В Улан-Удэ решили восстановить посадки ценного растения. Недавно в лесничестве посадили двадцать гектаров облепихи, а место отвели на болоте. Хорошее

— Ну-ка, давайте я, коллега. Ого! — крякнул он.— Ничего корзиночка! — Вскинул на плечо и легко зашагал.

— Не торопитесь,— предостерег Дмитрий, когда они приблизились к городовому.

— Ладно, сейчас мы ему вотрем очки,— загадочно пообещал Федор.— Послушай, любезный! — небрежно обратился он к заиндевевшему на холоде полицейскому.— Опаздываем на поезд, помоги извозчика достать.

Городовой взял под козырек и вдруг пронзительно засвистел. «Батюшки! Неужто влипли? — подумал Федор.— Черт меня дернул...» На свисток выбежал из ближайшего двора бородатый дворник, и городовой простуженным голосом сказал ему:

— Снеси господам студентам корзинку, посади на извозчика.

— С нашим удовольствием! — Дворник подхватил корзинку.— Пожалуйте!

Усаживая господ студентов на извозчика, дворник заботливо застегнул медвежью полость и пожелал счастливого пути.

Через двое суток шрифт был благополучно доставлен в Киев. А вскоре вышел первый номер рабочей газеты.

* * *

Революцию 1905 года Федор Петров встретил во всеоружии в полном смысле слова. Он был одним из организаторов знаменитого восстания саперов. Восстание это царизм потопил в крови. Федор Николаевич был тяжело ранен. Товарищи успели отнести его на конспиративную квартиру. Здесь по счастливой случайности его прооперировал тот самый профессор, у которого Петров учился в университете и который прочил способному студенту большое будущее. Одна пуля была извлечена из печени, другая оказалась слишком близко к сердцу, и хирург не рискнул ее извлечь. Так и осталась эта пуля в груди революционера...

Через несколько месяцев друзья переправили Федора Николаевича в Варшаву. Здесь он продолжал свою деятельность вместе с Феликсом Дзержинским, Юлианом Мархлевским, Брониславом Весоловским, Яном Тышкой. Но вскоре Петров вместе с группой участников военно-революционной организации был арестован. Состоялся суд. Профессионального революционера, большевика Петрова приговорили к семи годам каторги. Было это в 1907 году.

Федор Николаевич просидел в Шлиссельбурге семь лет и три месяца, причем больше года провел в карцере. Но ни жестокий режим, ни избиения, ни издевательства не сломили стойкого большевика. В тюрьме он встретил таких замечательных революционеров, как Серго Орджоникидзе, братья Трилиссер, Иосиф Гамбург...

Весна 1913 года.

— Скоро праздник, товарищи! — сказал однажды Серго.— Надо отметить.

— Правильно! — поддержал Петров.— Будем праздновать наш Первомай.

— Но как? С красными флагами? — иронически заметил кто-то.

— Обязательно,— подтвердил Серго.— И петь тоже будем.

Подготовка к празднику шла всю ночь. На флаги пошли красные платки, лоскуты, рубахи.

Рано утром, еще до поверки, окна тюрьмы расцвели красными флажками, привязанными к решеткам, и весенний, веселый ладожский ветер тотчас заиграл этими лоскутами, так что тюрьма вдруг стала похожа на разукрашенный корабль, готовящийся к приему высокого гостя. Высокий гость — Первомай — был встречен «Марсельезой». В коридорах раздались свистки и топот надзирателей, караульные защелкали затворами винтовок. В ответ тюрьма запела «Смело, товарищи, в ногу!».

Разъяренный начальник тюрьмы Зимберг бегал по коридорам, кричал: «Прекратить! Снять флаги! Всех в карцеры пересажаю!» Ответом были единодушные возгласы: «Долой самодержавие! Да здравствует Первое мая! Да здравствует революция!»

* * *

Ссылку Федор Николаевич отбывал в глухом сибирском селе Манзурка, Верхоленского уезда. Здесь он познакомился с Михаилом Васильевичем Фрунзе, встретился с товарищем по Шлиссельбургу Иосифом Гамбургом.

В ту пору по всей России свирепствовал сыпной тиф. Подобрался он и к Манзурке. Ссыльным запрещено было заниматься врачебной практикой, но, невзирая на это, доктор Петров ринулся на борьбу с тифом. Нашлись у него два помощника — Фрунзе и Гамбург. Добровольные санитары, нарядившись в самодельные халаты, сшитые из мешковины, смело обходили сыпнотифозные дома, подвергая все беспощадной дезинфекции.

Эпидемия тифа вскоре охватила всю Сибирь, и местному начальству пришлось назначить ссыльного доктора участковым врачом. Участок тот занимал без малого шестьдесят тысяч квадратных верст.

Случалось, доктор неделями не возвращался домой, мотаясь по участку, ночуя в бурятских улусах. Приходилось ему оперировать на кухонном столе, вскрывать нарывы, зашивать страшные раны, нанесенные зверем, принимать роды. Скоро «бачка дохтур» стал самым популярным человеком и желанным гостем в каждом улусе Верхоленского уезда.

* * *

Революцию Федор Николаевич встретил в Иркутске, где, став одним из организаторов и членом Ревкома, продолжал, впрочем, исполнять должность земского врача. Соратниками его были такие замечательные большевики, как Павел Постышев и Сергей Лебедев.

В декабре семнадцатого года в городе восстали юнкера, поддержанные казаками и офицерами. Красногвардейцы вынуждены были оставлять улицу за улицей. В конце концов в их руках остался только белый дом — бывшая резиденция генерал-губернатора. Сто пятьдесят три его защитника, возглавляемые Постышевым и Лебедевым, располагали лишь винтовками и считанным количеством патронов, не хватало продовольствия и медикаментов. Необходимо было пробраться в Черемхово, чтоб просить у шахтеров помощи. Но как?

...По лестнице загрохотали сапоги, и в сопровождении красногвардейца в подвал ввалился толстый человек в собачьей дохе.

— Вот, товарищ командир,— обратился к Постышеву красногвардеец.— Задержан подозрительный, лез, понимаешь, в окно. Я его...

— Кто вы? — обратился к пришельцу Постышев.

— Сейчас,— простуженным голосом ответил тот и принялся разматывать башлык, расстегивать доху.

— Федор Николаевич! — воскликнули одновременно Лебедев и Постышев.— Вы-то как оказались здесь?

— А вот, через окно, как и доложил вам товарищ.

— Зачем? Вам ведь поручена военно-медицинская часть.

— Затем я и пришел.— С этими словами Петров стал разматывать длинное полотенце, которым был обмотан, и извлекать бутылки с йодом, бинты, медикаменты. Из карманов дохи, пиджака вытащил пакетики сахара, завернутое в тряпицу сало, сухари.

— Но как вы добрались? — спросил Постышев.

— Очень просто: всем задерживающим юнкерам сообщал, что я доктор и вызван оказать помощь раненому полковнику.

— Послушайте, Федор Николаевич, а могли бы вы таким же манером проникнуть в город? — спросил Лебедев.

— Допустим. Но не вижу в том необходимости.

— Есть необходимость. Надо срочно связаться с черемховскими шахтерами.

— Что ж, я готов,— ответил доктор и сразу принялся одеваться.

...К вечеру следующего дня из Черемхова прибыли отряды шахтеров и сразу начали планомерное наступление на город. Скоро со стороны Ангары двинулись красногвардейские части Сергея Лазо, перешедшие по понтонному мосту.

Когда город был окончательно очищен от белогвардейцев, в квартире Петрова собрались старые друзья. Федор Николаевич встал и, подняв рюмку, сказал короткую речь:

— Вот и свершилось, друзья мои, то, к чему мы шли все эти годы через каторгу, ссылку, голод и бои. Значит, недаром сносили мы муки, недаром прошли все страдания, недаром погибли наши товарищи...

дело затеяли, но получилось неладно: не прижилась облепиха.

— Не любит она болота,— рассказывает Люся.— Но кто с нами советовался? Сажай, и точка! А сажать облепиху с умом надо и охранять ее надо как следует. Потому что есть еще в тайге недобрые люди.

В лесу она проводит весь день. Иногда со своими помощниками — школьницами. Или с братьями. Чаще одна.

— И не страшно одной? В тайге?

Люся смеется: «Зачем тайгу бояться? Мама соберет летом внучат — и айда в тайгу! И хоть бы что...»

Бабушку Акулину Михайловну любят, чуть-чуть побаиваются. Оттого и порядок в Лесной поляне. Она провожает сыновей на охоту. Она встречает их, уставших, заросших колючей щетиной, в испачканной смолой одежде. Парни сбрасывают тюки с мясом, шкуры и неторопливо идут в дом. Ей рассказывают только об удачах, про опасности — ни слова.

— Зачем волновать? — пожимает мощным плечом Николай.— Разве расскажешь о том, как меня в прошлом году шатун подмял? А как было дело? Брат пошел за водой. Я костер разводить собирался, тут он меня и сгреб. Кричу! А лес весенней кухтой схвачен, и звук плохо слышен. Кое-как из-под медведя выполз. Выстрелил. Осечка. Подумал: «Ну, сожрет меня хозяин...» Хорошо, брат подоспел. Нырнул ему под брюхо с ножом. На том дело и кончилось...

Работа у братьев тонкая. Часами просиживают в засадах, выслеживая осторожных изюбрей. Или десятки километров преследуют великана лося. Стреляют точно по норме. По лицензиям зверя добывают. Лишний выстрел им не нужен. А браконьеров на их участке не бывает: все знают, что с Полубенцевыми шутки плохи.

И еще дружат братья с охотниками-бурятами Дондопом Шохоловым и Сынгой Ильдуевым, с ними толкуют о том, «как соболь ловок и как росомаха неутомима...». Дружат парни крепко. За одним столом на празднике, по одной тропе в тайгу ходят. По-бурятски братья говорят хорошо, как и по-русски. Вот почему разговоры у них долгие. Курят, пьют чай у ручья. И снова в тайгу.

А после окончания сезона охоты братья валят лес на соседнем участке, собирают паданку — кедровые шишки. Рубят новые зимовья. И тогда Акулина Михайловна остается в Долбае одна, выделывает звериные шкуры. Они получаются мягкие, будто шелковые. А на древнем станке она ткет домотканые ковры с чудесным орнаментом. Говорят, заходил нынешней весной к бабушке Акулине председатель колхоза. Чай пил, хвалил новорожденных телят, а потом предложил ей: «Акулина Михайловна, давайте перевезем ваш дом в село к нам, в Туран. Скучно вам на отшибе».

— Нет,— покачала белой головой хозяйка.

На том разговор и кончился.

Бурятская АССР.

ВЫСОКОЕ НЕБО РОССИИ

Новая книга стихов Людмилы Татьяничевой «Зорянка», как и предыдущие ее сборники, сразу же привлекла внимание широких кругов читателей своей романтической бодростью, родниковой свежестью и сердечной доверительностью.

Читая ее стихи, вновь слышишь неторопливый, слегка раскатистый уральский говор, передающий поэзию нашей повседневной жизни с ее заботами, радостями и тревогами. Людмила Татьяничева умеет, как истинный художник, находить лишь те единственные детали, которые несут в себе и раскрывают психологию человека нашего времени. В стихах Людмилы Татьяничевой светло и просторно, в них много сердечной теплоты, искренности и целебного воздуха, особенно тогда, когда она обращается к святая святых — «опорному краю державы», индустриальному Уралу:

...Стою на тающем снегу,
Охмелена весною.
Я без Урала не могу.
Урал всегда со мною.
Да, он со мной,
А не вдали,
За сизой кромкой леса.
Растворено в моей крови
Твое, Урал, железо!

Это не патетика, а правда, высокая правда! Все творчество Людмилы Татьяничевой самым тесным образом связано с Уралом. Да это и естественно. У каждого художника, пришедшего в большую литературу, всегда была своя, родовая, его вскормившая и вспоившая земля. На этой земле он сделал первые свои шаги. Любовь к этой земле подняла его на высоту видения больших задач времени и умения решать их художественными средствами.

Тот, кто в слове
Видит только слово,
Тот словам не верит ни на грош.

Очень точно и правильно сказано. Людмила Татьяничева не любит слова-пустоцветы. Строки ее стихов всегда нагружены до предела мыслями, чувствами, образами. Поэтесса унаследовала от потомственных уральских рудознатцев жизненную необходимость пробовать металл «на зуб» и безошибочно определять степень его благородства. Она взвешивает, выверяет, измеряет слово и лишь потом «призывает его на службу искусству». Нелегко находить такие слова, они на поверхности не лежат. Художнику приходится искать их в глубинных кладезях народного разговорного языка. И лишь потом это добытое слово получает новую жизнь в стихотворной строке.

...Есть бои,
Когда на баррикадах
Побеждает слово,
Не картечь.
Для меня превыше нет награды
Словом-песней родину беречь.

Вот оно — наглядное, с отчетливо выраженной патриотической и эстетической позицией кредо художника, отдавшего свой талант на службу народу.

Сегодня дела и думы народа подчинены великим планам грядущего строительства. Художник, плоть от плоти и кровь от крови своего народа, идет в этом созидательном строю. Он помогает народу брать крутые перевалы своим страстным, согретым романтическим жаром сердца словом.

Стихи — работают!
Поверьте,
Что дел у них —
Невпроворот...
Среди стихов
Есть исполины.
Им смены нет.
Износу нет.
Они, как мощные турбины,
Рождают негасимый
Свет.

Стихи Людмилы Татьяничевой озарены светом гражданственности, полны философских раздумий о сегодняшнем и грядущем дне нашей жизни. И эти качества в счастливом сочетании с лирикой придали стихам особую взволнованность.

Созидание и утверждение красоты жизни, красоты человеческих дел — вот истинное назначение художника. Но это высокое право само по себе не приходит к художнику — его надо заслужить, завоевать и постоянно отстаивать на переднем крае острой идеологической борьбы. Людмила Татьяничева получила это благородное и святое право и никогда его не сдаст без боя.

Если это станет не по силам,
Если рухну,
Будто сноп огня,
Я скажу тогда моей России:
— Если можешь,
Не забудь меня!

Николай ЕГОРОВ

Людмила Татьяничева. Зорянка. Стихи. Издательство «Советский писатель». 1970.

Ник. КРУЖКОВ

ПЕСНЬ О РОДИНЕ

Иван Филиппович Титов — моряк действительной службы, питомец электроминной школы — с юношеских лет полюбил море, стал его певцом. Но его марины отличны от работ предшественников прежде всего тем, что, изображая море, он ставит на первый план труд моряка, думая о море, он думает о человеке, покорителе стихии, борце за честь и славу флота. Человек может и не присутствовать в картине, но его напряженный труд — в непреклонном движении корабля, в преодолении свирепой волны, урагана, бури. Картина «Прорыв» — часть триптиха, посвященного героической Балтике,— рассказывает нам о подвиге моряков, выводивших флот из Таллина в Кронштадт в 1941 году, под огнем превосходящих сил противника, под яростной авиационной бомбежкой. Немцы считали эскадру обреченной. Их радио объявило на весь мир, что Балтийского советского флота больше не существует. Но флот пришел в Кронштадт и стал в ряды защитников города Ленина. И скоро противник узнал на собственной шкуре, что значат залповые удары орудий главного калибра, расположенных на боевых кораблях, какую ярость несут в своих атаках батальоны морской пехоты, той самой, которую фашисты позднее назвали «черной смертью».

Во время блокады Ленинграда Иван Титов, в ту пору батальонный комиссар, служил на линкоре «Октябрьская революция». На войне каждый солдат должен понимать свой маневр. Художник Титов не ходил в атаки, но его кисть можно было с полным правом приравнять к штыку. Он делал плакаты, звавшие к бою и победе. По заданию командования он создал такую маскировку линкора, которая надежно укрыла его от воздушных налетов. Всеволод Вишневский — трибун блокадного Ленинграда — с большой похвалой отзывался о работах художника Титова. Художник тщательно всматривался в боевую жизнь корабля, стоявшего на боевой позиции в изломе льдов у берега Невы, сотни набросков, зарисовок, этюдов было сделано Иваном Филипповичем во время его службы на корабле. Художник Константин Дорохов в своих фронтовых записках рассказывает, как он однажды приехал к Ивану Титову на линкор «Октябрьская революция». Титов сказал ему: «Сегодня наша «коробочка» будет обстреливать немцев». А когда действительно начался обстрел, он подтащил меня чуть ли не под самые орудия, где он со своим этюдником старался передать пламя, хотя была суровая зима и условия были не совсем подходящие».

Ленинград не померк ни в памяти, ни в сердце художника. Тревоги, невзгоды, лишения ушли вдаль, а осталась в душе, и навсегда осталась, величественная героика пережитых событий. Триптих «Героическая Балтика» создавался в 1969—1970 годах, а в основе этой работы — живые впечатления, полученные во время войны.

Художник Николай Викторович Денисов из студии имени Грекова, выступая в 1966 году на творческом вечере Ивана Титова, сказал: «Мне хочется подчеркнуть только одно, что Иван Филиппович нам близок как человек и друг, как родственный по теме художник. На выставке Ивана Титова пятьдесят произведений посвящены непосредственно военно-морской тематике, поэтому мы считаем его нашим художником-грековцем. Он нам близок не только по теме, но и своим отношением к армии и флоту, любовью к морякам».

И вот они соединились в нашем журнале, Иван Титов и Николай Денисов. Картина Денисова «В высоких широтах» как бы противоположна работе Титова. Там огонь, пламя, бой, здесь тишина долгого северного заката, медленно плывущие льдины, окрашенные желтыми отсветами ушедшего за горизонт солнца, чувствуется холод приближающейся осени. Но идут боевые корабли, стоящие на страже наших северных морских рубежей, идут величаво, в сознании своей силы. Их ведут дети и внуки тех моряков, которые защищали Ленинград, обороняли Одессу, дрались не на жизнь, а на смерть на всех морях, омывающих берега нашей Родины. Сыновья продолжают дело отцов.

«Летняя ночь» члена-корреспондента Академии художеств СССР Лидии Бродской волнует зрителя своей поэтичностью, создает лирический душевный настрой. Ее-то картина контрастна и Титову и Денисову, но это утверждение может быть и неправильным — как смотреть, с какой точки зрения.

Спокойствие разлито в картине. Багряная луна всходит над мирным полем, сгущаются сумерки, мерещатся сказка, предание, легенда. Вот, кажется, сейчас из ближайшего пня нарисуется облик врубелевского «Пана» с загадочными глазами или из кустов выйдет старенький Даждбог, покровитель плодов земных.

Спокойствие и тишина в картине. Люди ушли отдыхать после мирных трудов — спокоен их сон, завтра они, может быть, опять придут к полю — спокоен их труд. И сны им снятся добрые и веселые. Этот мир завоеван для людей теми, кто шел сквозь ад и огонь, он охраняется теми, кто всегда несет бдительную, недреманную вахту.

Кажущаяся контрастность картин Титова, Денисова и Бродской вдруг рассеивается, и встает одна тема — слитная!— песнь о Родине. Так в оркестре сливаются и призывный голос трубы, и рокотание геликона, и нежный лепет флейты.

И. Титов. ГЕРОИЧЕСКАЯ БАЛТИКА. ПРОРЫВ.

VI выставка произведений московских художников — ветеранов Великой Отечественной войны.

Н. Денисов. В ВЫСОКИХ ШИРОТАХ.

Студия военных художников имени М. Б. Грекова.

Л. Бродская. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ТРЕВОГА

Мария ХАЛФИНА

Рисунок И. ПЧЕЛКО

— Простите, дорогая Марина Павловна, я забыл своевременно выразить вам свое искреннее соболезнование...

Разговоры в учительской притихли. Марина настороженно вскинула на Петра Иосифовича глаза.

— Ну как же? Пока вы болели, ваш 7 «А» обогатился еще одной интересной личностью. Прелестное пятнадцатилетнее дитя... дважды второгодник. Прибыл из дальних далей, на радость нашему дружному, спаянному педагогическому коллективу...

Марина знала склонность Петра Иосифовича не всегда уместно и тактично подшучивать над коллегами, особенно над молодыми учителями. Это был ехидный, но, по существу, совершенно безвредный старец, и Марина никогда не позволяла себе обижаться на его шутки.

— Я очень благодарна, уважаемый Петр Иосифович, за вашу исчерпывающую информацию, но с Андреем Сотниковым я уже познакомилась и не вижу причины для вашего соболезнования.

Она сделала легкий реверанс, Петр Иосифович галантно шаркнул ножкой, и они, забрав классные журналы, двинулись из учительской навстречу голосистому звонку.

Из документов новичка Марина Павловна почерпнула сведения весьма скудные. Характеристика учителей, как обычно, безликая. Поведение — 5. А как иначе?.. По успеваемости — типичный середнячок... Настораживала только какая-то странная периодизация. Если вычертить кривую оценок, картина получалась впечатляющая. Первая четверть—сплошные тройки и двойка по литературе. Во второй преобладают четверки, затем опять резкий срыв. Но к концу учебного года двойки ликвидированы, Андрей Сотников переведен в седьмой класс.

В семье двое детей. Родители оба работают. Отец — квалифицированный сварщик. Казалось бы, бюджет семьи должен быть вполне приличным, а выглядит Андрей очень нехорошо. Тощий, бледный, глаза запавшие. Костюм заношенный, разномастный. Брючишки короткие, ботинки, видимо, не раз побывали в ремонте. И в школе держится очень нервно. Сегодня на уроках сидит вялый, полусонный. А назавтра является взъерошенный, неспокойный, смотрит исподлобья, настороженно. Книги и тетради носит, засунув за брючный ремень.

Выяснила, что у него не по всем предметам есть учебники, подошла в перемену, сказала, что завтра в книготорге ожидается продажа географических атласов и кое-что из учебников, буркнул: «Ладно!» Прошло две недели, учебники не куплены, почему?

Ребята собирали деньги на коллективный поход в театр. Премьеру «Хижины дяди Тома» ждали давно, волновались, радовались... Андрей в театр не пришел. Позднее от ребят узнала: денег на билет он не принес. Почему?

И в библиотеку школьную до сих пор не записался и ни одного кружка не посещает.

Нужно было любой ценой выкроить свободный вечер, сходить к нему домой, познакомиться с родителями.

Да, необходимо выкроить время... Но где его взять, этот свободный вечер, если и часато нет свободного?

Вечерний университет... родительский лекторий... литературный кружок, стенгазета... И тетради, тетради, бесконечные груды тетрадей. И дома не ладится. Каждое воскресенье нужно ехать за город к маме. Какая-то она стала мнительная, обидчивая. Пропустишь одно воскресенье — волнуется, переживает.

На Сережку в садике жалуются: отказывается днем спать, дерется с ребятами, вчера нагрубил нянечке. И дома бабушка им недовольна.

«Вчера вышла из школы, смотрю, Сотников свернул в переулок, идет вдоль забора новостройки, как всегда, один. Ты представляешь, Нина, за все время ни разу не видела его среди ребят.

Догнала его, идем вдоль глухого забора. Я спрашиваю: «А где работает твой папа?» Он помолчал, а потом хрипло так, словно у него в горле пересохло: «Зачем вам?» Я засмеялась: «Ты думаешь, что классный руководитель приходит к родителям только для того, чтобы жаловаться? Просто мне хочется познакомиться с твоими, пригласить их на лекцию в наш лекторий...»

А он говорит: «Отец уехал... в командировку, а мать болеет... ее завтра в больницу положат...»

«С кем же вы останетесь,— спрашиваю,— ведь у вас маленький есть?»

«Она в яслях... в круглосуточных...»

«Ну, а ты?»

«А что я, маленький, что ли?»

И, не простившись, нырнул в какую-то дырку в заборе.

Как наша соседка тетя Нюша говорит: не контачит!

И не только со мной. Подключила комсорга и нашего преподавателя физкультуры, его все мальчишки обожают. Результат нулевой.

Знаю, что ты скажешь: прежде всего связаться с родителями и не в школу их вызвать, а самой побывать у них, выяснить, в какой обстановке он живет.

Ох, Нинка! Ты вот пишешь, что новую оперу слушала, ни одной выставки не пропустила, даже на каток ухитряешься ходить, а у меня ничего не получается. Ни на что не хватает времени.

И все же придется послезавтра, в субботу, вместо кино пойти знакомиться с этими Сотниковыми».

(Из письма Марины Слайковской.)

На звонок Марины Павловны дверь открыл пожилой, хмурый мужчина. Окинув Марину Павловну неприветливым взглядом, молча кивнул на дверь комнаты Сотниковых и так же молча прошел в кухню.

Марина Павловна нерешительно стояла перед закрытой дверью. Надо же, неудачно как все получается. Явиться с первым визитом в разгар семейной ссоры. За дверью что-то приглушенно бубнил знакомый хрипловатый мальчишеский басок, слов Марина Павловна не разобрала, его перебил высокий плачущий женский голос: «Сам же ты, сам нас сюда заганал!! Зачем же теперь на меня все валишь?!»

Отступать было поздно. Марина Павловна решительно постучала и, толкнув дверь, шагнула через порог.

Комната была настолько мала, что не верилось, как в ней могут размещаться четыре человека. Старая кушетка, видимо, заменяла супружескую кровать. У противоположной стены деревянная детская качалка. Узкий проход между ними вел к небольшому столу у окна. Где же и на чем спит Андрей? Где он учит уроки? За дверью, под старенькой ситцевой занавеской, вешалка для одежды. Два старых табурета... и все.

С дивана навстречу Марине Павловне приподнялась маленькая, заплаканная женщина. И сразу же откуда-то из-за двери, от вешалки метнулся Андрей. Он встал между Мариной и матерью, словно хотел плечом своим заслонить мать от непрошеной гостьи.

— Здравствуй, Андрей! Что же ты стоишь? Познакомь меня со своей мамой,— пересилив чувство неловкости, оживленно защебетала Марина Павловна.— Добрый вечер, Анна Георгиевна, простите, что никак не могла раньше к вам выбраться, вы знаете, в начале учебного года у нашего брата учителей особенно много работы...

Она сбросила дошку, сунула ее Андрею: «Повесь, пожалуйста!» Мать, не сводя с нее испуганных, заплаканных глаз, попятилась и опустилась на краешек дивана. Не ожидая приглашения садиться, Марина Павловна, присев рядом, протянула руку большеглазой, взъерошенной девчушке, выглядывавшей из-за плеча матери:

— Здравствуй, маленькая. Ну, дай же мне лапочку..

Девчушка плаксиво сморщилась и, тоненько взвизгнув, уткнулась лицом в подушку за спиной матери.

— Ой, Леночка, ну что ты, что ты?! — сконфуженно забормотала мать.— Вы уж извините, пожалуйста, боится она чужих...— Марина Павловна не знала, почему плакала эта женщина, в чем с таким отчаянием упрекала она Андрея, почему не только двухлетняя Леночка, но и они оба смотрят на нее с тревогой и страхом.

Ясно было одно: в этом тесном закутке прочно обосновалось горе. Горе и нужда. Ничем не прикрытая, беспросветная нужда.

Холодея от жалости и гнетущего чувства тревоги, Марина Павловна торопливо рылась в портфеле. Ей хотелось показать матери последнюю классную работу Андрея... очень неплохую работу... если бы не две ошибки, вполне можно бы оценить пятеркой...

— Вы не подумайте, что я пришла жаловаться... я Андрюшей довольна... конечно, он еще не совсем освоился в новой школе, не вошел в жизнь класса...— Она на мгновение замолчала, и именно в это мгновение, вцепившись в плечо матери, Леночка пронзительно закричала:

— Па-па!!

Андрей, швырнув дошку на табурет, крикнул матери:

— Иди к Григорию Ивановичу... да скорее ты!

Схватив Леночку, мать метнулась в коридор. Андрей, сдернув с вешалки ворох какой-то одежонки, выскочил за ней.

Все происходило словно в каком-то нелепом, дурном сне. Что такое услышала она, эта малышка? Что ее так испугало? Куда они все убежали?

Марина Павловна, ошеломленная внезапным бегством хозяев, напряженно прислушалась. В квартире стояла нехорошая, настороженная тишина.

Только на лестничной площадке слышна была какая-то глухая возня, кто-то, навалившись на входную дверь, пытался всунуть ключ в прорезь замка.

Торопливо вернулся Андрей, схватил брошенную на табурет дошку:

— Марина Павловна, пройдите на кухню, вас Григорий Иванович проводит... пожалуйста, вам нельзя здесь...

Он говорил умоляюще. И смотрел умоляюще: уходи же, уходи же скорее, пока не поздно!

Но она уже никуда не собиралась уходить. Перед ней стоял мальчишка — до предела издерганный, загнанный мальчишка. Ее ученик. Ее мальчишка.

И сразу свалилась скованность.

— Повесь дошку, Андрей. И успокойся... — Она уже все поняла. В дверь ломился папа.

— Поди открой ему... ты же слышишь, он не может открыть дверь.

И вот он стоит перед ней. Папа. Отец ее ученика, Андрюши Сотникова. Пытаясь сохранить равновесие, стоит, тяжело привалившись к дверному косяку.

— Где мать? — опухшие, мокрые губы с трудом выдавливают слова...

— Зойка прибегала...— сглотнув слюну, тихо отвечает Андрей.— Тетя Лиза захворала... велела прийти.

— Та-а-а-к! Свистнула, значит, сестрица... и... собачка наша... помчалась... хвост крючком...

Он швырнул в угол шапку и, с трудом сдирая с плеч пальто, обернулся к Марине Павловне:

— Ну... а вам... прекрасное виденье... что здесь понадобилось? — Наглая, пьяная ухмылка, прядь грязных волос прилипла к потному лбу, мутный, тупой взгляд из-под отечных век...

— Я учительница Андрея, классный руководитель,— спокойно ответила Марина Павловна и, поднявшись с дивана, встала рядом с Андреем.

— Так-с... Ну, и чем же порадуете? Лодырь? Двоечник? Хулиган?

— Нет, зачем же? Я на Андрея не могу обижаться. Я просто пришла познакомиться с вами и с его мамой...

— О! Мы с супругой чувствительно тронуты... такое благородное мероприятие... конечно... семья и школа... необходимые контакты...

(Да нет, не настолько он уж пьян. Пусть кривляется, паясничает, но речь все же вполне связна и осмысленна.)

— Приходится, значит, ходить по дворам?.. Хошь не хошь, а идешь... вам за то зарплата начисляется...

Его вдруг качнуло, закатив глаза, он замычал и навзничь повалился поперек дивана.

(Господи, да он мертвецки пьян! Возможно, если бы не успел добрести до дома, лежал бы теперь где-нибудь на уличном перекрестке, пытаясь подняться, падал бы лицом в мокрый, затоптанный снег.)

Привалившись головой к спинке дивана, он медленно, боком сполз на пол. Андрей пытался взвалить отяжелевшее тело отца на диван. Зайдя с изголовья, Марина Павловна, стиснув зубы, подхватила бесчувственное тело под мышки и, поднатужившись, поволокла его на подушку. На миг приоткрылись мутные глаза, скрипнув зубами, отец вполне «связно и осмысленно» выпустил заряд трехэтажной площадной брани.

Гадливо сморщившись, Марина Павловна, словно от плевка в лицо, резко отшатнулась.

— Не бойтесь, Марина Павловна,— прошептал Андрей, через силу стягивая с отца мокрый сапог.— Теперь все... промерз он сильно, как в тепле разморит, так он и готов... теперь до утра спать будет...

Марина Павловна вышла в коридор. Ее била противная мелкая дрожь. Хотелось не то в голос заплакать, не то просто выпить стакан холодной, из-под крана воды. Она прошла в кухню. У окна стоял тот пожилой, неприветливый мужчина, что открыл ей дверь. Марина Павловна вспомнила: «Вас Григорий Иванович проводит...»

Она сказала жалобно:

— Григорий Иванович, мне бы водички,— и присела к столу на низенький кухонный табурет.

— Успокоился? — сердито усмехнулся Григорий Иванович, подавая ей стакан воды. Марина Павловна молча кивнула, с наслаждением глотая холодную воду.

— Они у вас прячутся? — спросила она, до дна опорожнив стакан.

— Куда же им больше деваться?.. Когда я дома, он очень-то бушевать не смеет, а без меня гоняет беспощадно...

— А где он работает, вы не знаете?

— Да как же мне не знать? — удивился Григорий Иванович.— У нас на заводе и работает. Он сначала-то один приехал. Жена с ребятишками ушла от него к матери, на развод собиралась подать, а Андрюшка сбежал от нее и прикатил сюда к отцу. Любит он его... Он ведь не всегда пил. Хорошо жили, обстановка была приличная, квартира, все, как у людей... А потом зашибать начал и пошел с места на место кидаться. Три города сменил, а как по пословице говорится: два раза переехать все равно, что погореть... Вот и доездились... ни кола ни двора. У ребятишек и то одежонки приличной нету. А раньше-то, Анна говорит, в ударниках ходил, в газетах о нем писали, портреты на доске почета красовались. Андрюшка-то гордился им, чуть не героем его считал, перед ребятами хвалился. Вырезки из газет хранил, грамоты его почетные в папочке. А он, подлец, пришел пьяный, увидал у него ту папочку, в клочья порвал... На Андрюшку-то смотреть прямо страшно было, до чего горевал.

Когда Андрюшка приехал, он ему слово дал, что пить не будет, заявление на квартиру подал, его на очередь поставили. Андрюшка начал матери писать: «Не бойся, приезжай, папа теперь не пьет, и работа у него хорошая...» Она, дура, опять поверила, да и куда же она без Андрюшки? Он ведь и к ней очень привязанный, а уж Аленку любит... редкие мальчишки так-то с сестренками нянчатся.

У меня сын в армии, комнатка пустовала, позвали меня в завком, попросили... Я со старухой посоветовался, чего же, думаю, надо мужика выручать, пусть поживут, пока ему квартиру не вырешат...

А он, месяца не прошло, запил хуже прежнего. А как напьется, зверь — зверем. Не может ей простить, что разводиться с ним хотела...— Григорий Иванович отвернулся к окну, кашлянул глухо.— Аленке-то третий годок, а она его по шагам узнает, он еще по лестнице на площадку лезет, а она глазенки выкатит, трясется вся: «Папа, пяний... пяний!» Унесу ее к себе, она в угол забьется... игрушки ей сунешь, конфетку... ничего она тогда соображать не способна, просто вроде дурочки делается... Изуродовали ребенка, ладно, если с возрастом отойдет, а если на всю жизнь припадочной останется?

Марина Павловна спросила:

— Ну... хорошо, вот вы дома возмущаетесь, а что же ваш завод... ваш коллектив предпринял?

— Приглашали его в партком на беседу...— неохотно ответил Григорий Иванович.— И в цеху с ним толковали, а он говорит: «Что вы можете знать в чужой семейной жизни? Это,— говорит,— дело личное... интимное...» У него, у варнака, язык-то неплохо подвешен, где не надо, он развитой... «Я,— говорит,— может, через нее и пить начал...» Ну, а мы, понимаешь, люди деликатные, чересчур совестливые... кому охота в чужих семейных делах копаться...— Григорий Иванович невесело усмехнулся.— Возьмите, к примеру, милицию. Для нее хуже острого ножа с семейными скандалами связываться. Ведь у них как получается? В семье дело до поножовщины доходит. Милиция ввязалась, дело в суд оформляется, а они, глядишь, уже помирились, жена бегает, за него же, за своего урода, хлопочет и от всех своих показаний напрочь отрекается...

А на производстве... тут ведь главное дело что? Возьмите этого же Сотникова, к примеру. Работник-то он золотые руки. На работе пьяным его никто не видел, по производственной линии ни одного взыскания... А хотя и сорвется, что ему? Местом он не дорожит. Это ж перекати-поле. Цену он себе знает, как же, рабочий-специалист высокого разряда. Уволь его сегодня хоть по 47-й статье, а завтра его любой завод с руками оторвет.

А какой он рабочий? Ему же ничего не дорого. На коллектив, на товарищей ему наплевать, потому что гордость-то свою, совесть-то рабочую он давно в рюмке утопил. Вот и наглеют они что ни дальше, то больше. И еще есть одна причина для ихней наглости. На производстве стараемся мы, чтоб сор из избы не выносить, чтобы на коллектив лишнее пятно не легло при подведении итогов соревнования. Я вот вам вроде анекдота расскажу, не про наш завод, а... ну вообще, по соседству живем.

По всем производственным показателям выходит коллектив на почетное место. Подводятся итоги, составляется сводка для вышестоящих инстанций. Ну, а в сводке должно, конечно, отражаться и моральное, так сказать, состояние коллектива. Получается, все вроде в порядке. Есть, конечно, кое-какие ЧП: прогулы там, опоздания и прочие нарушения трудовой дисциплины, но в целом, как говорится, все хорошо, прекрасная маркиза... А там взяли да и поинтересовались, запросили вытрезвители: сколько с этого завода мужичков за отчетный период у них побывало? Большой конфуз получился! И что еще интересно: почти 100 процентов приводов в вытрезвитель приходится на субботу и воскресенье.

Только сейчас Марина Павловна заметила, что за ее спиной в дверях стоит высокая, статная пожилая женщина.

— Сидите, сидите... — ласково тронула она за плечо привставшую было Марину Павловну.

— Это старуха моя, Наталья Марковна, будьте знакомы...— представил Григорий Иванович.— Уснула Аленка-то?

— Уснула... Да какой это сон? — вздохнула Наталья Марковна.— Чуть что, вскидывается, вздрагивает. Спит, а сама ручонками цепляется и головкой нехорошо так дергает...

— Ты бы, мать, сносила ее сама к врачу...

— А чего врач поможет? — сердито перебила Наталья Марковна.— Ребенку покой нужен, а его ведь по рецепту в аптеке не купишь...

— А у них... это часто случается? — нерешительно спросила Марина Павловна.— Часто он... выпивает?

— Как вам сказать? Он, конечно, не запойный. Не то чтобы загулял на неделю, на две, как некоторые... Ну, с аванса, с получки — тут уж обязательно... Суббота и воскресенье—это у него тоже вроде законные дни. Бывает, что ночевать домой не придет, а они... ждут. Ждут и трясутся...— Наталья Марковна резко толкнула ногой стул и присела у окна.— Разве это жизнь?! Ночь-полночь, а они не спят, ждут, какой явится. Дверь внизу стукнет — Андрей аж побелеет, замрет весь, слушает: он или нет? Сильно ли пьян да в каком настроении? Он ведь если не скандалит, так куражиться начнет: подавай ему среди ночи горячего или еще что придумает... а они угождают ему, лишь бы не шумел. И боятся его, и перед нами-то им совестно... Андрюшка-то больно гордый. Горше всего ему отцовский позор. Другой раз караулит его на улице. Измерзнется весь, ждет, чтоб домой его поскорее увести, чтобы люди-то его пьяного не видели.

— Как же Андрюша дальше-то будет учиться? — Марина Павловна на мгновение прикрыла глаза ладонью. Под пальцами на виске пульсировала боль. И такая тягостная придавила усталость. Ей казалось, что она не спросила, а только подумала растерянно: «Как же дальше-то Андрею учиться?»

— Какое ему учение? — откликнулась от окна Наталья Марковна.— Он спит и видит: паспорт получить да на работу. Эх, моя бы воля, во-первых, никогда бы я мужикам двух выходных не дала. Для женщины лишний выходной — счастье великое, а для мужиков не день отдыха, а лишний пропойный день получился. Я бы...

— Ну-ну, ладно тебе, мать! — сконфуженно усмехаясь, перебил Григорий Иванович.—Я бы! Я бы! Дай тебе волю, ты бы завтра же повсеместно сухой закон ввела. Больно ты, Марковна, запросто все вопросы решаешь...

— И правильно, и водку прикрыла бы, чтобы духом ее не пахло. Вы только подумайте: у самой заводской проходной — ларечек этакий, голубенький, «Бабьи слезы» называется, будь он проклят. Экая ведь забота о рабочем человеке: загорелось выпить — далеко трудиться, бежать не надо. Опрокинул стакан, Фиске-крале мигнул, она тебе из-под прилавка и беленькой стакашек нацедит, не откажет... Нельзя, видишь ли, эту отраву прикрыть, доход она большой приносит. А если подсчитать, какие мы через нее убытки несем?!

— Да не в том же дело! — уже досадливо отмахнулся Григорий Иванович.— Доход-расход... сальда-бульда. Разве в таком деле стали бы мы с деньгами считаться? Прикрой водку— самогоном зальются. Сами же вы, бабы, такой техники в этом деле достигли — без аппарата ее, родименькую, гнать научились. Самогонки не хватит — бражки наварят. И указом запрещали, и штрафовали, и на помойку это зелье выливали, а что толку?

И с другой стороны вопрос этот взять. Выходит так: ради одного алкоголика тысячи нормальных, добрых людей должны лишать себя жизненных благ? От выходного дня откажись;

бутылку вина в праздник на стол не поставь; духи-одеколон с производства снять; чай и кофе из продажи долой, потому что, не дай ему водки, он чаю крепкого до одури нахлещется... Давай уж тогда заодно и аптеки прикроем, он ведь и лекарства вместо одной таблетки целый пакет сожрать может...

— На вот те! Сравнил божий дар с яичницей,— возразила Наталья Марковна.— Такие-то лекарства по особому рецепту дают. С круглой печатью. Ладно, старые пьянчужки пущай пропадают, их уж только могила исправит, а с молодыми что делать? Он же, сопляк, пить-то не умеет, меры своей не знает. Скажешь ему: ты же спиваться начинаешь, алкоголиком становишься! А он, дурак, ржет. «Все,— говорит,— пьют». А он раз выпил, другой выпил, ему уже и море по колено. Сначала кулакам волю дал, а там и ноги в ход пошли.

Ведь жизнь-то у нас какая наладилась: жить бы теперь да радоваться, по всему ходу нашей жизни колонии-то эти для молодых прикрывать бы пора за ненадобностью, а у нас что получается?!

Это вот ты, отец, правильно сказал: из-за одного пьянчужки тысячи доброго народа страдают. Вот взять бы да с народом-то и посоветоваться, обсудить совместно да и на голосование всенародное поставить: как нам с этой бедой управиться? Как детей наших от этой отравы уберечь?

— А знаешь, мать, дело-то вроде к тому и идет. Ты что думаешь? Одна ты сердцем болеешь? Декретами и запретами этой язвы не излечишь. И науке без нашей помощи такая задача тоже не по плечу. Пока весь народ не возьмется, толку не будет. Ты вот присмотрись да прислушайся, как люди поговаривать начинают. Похоже, терпение-то у народа к концу подходит...

— Марина Павловна, миленькая! Заговорили мы вас...— встревоженно перебила его Наталья Марковна. — Лица на вас нет... Может, заболели? Или разговоры наши вас расстроили? Я сейчас чайку согрею.

— Что вы, Наталья Марковна! Мне домой надо... муж меня теперь потерял. Мы в кино собрались...

— Ну надо же! А мы-то, болтуны старые, обрадовались, накинулись на человека со своими разговорами...

— Вы, Наталья Марковна, даже не представляете, как я вам и Григорию Ивановичу благодарна за этот разговор... Вот только не знаю, как я завтра Андрею в глаза смотреть буду...

— Господи! Да вы-то при чем?! —изумленно ахнула Наталья Марковна, помогая ей одеваться. — Вам-то себя за что виноватить?

— Ладно, мать, ты не утешай... — откликнулся из коридора Григорий Иванович. — Идемте, Марина Павловна, я вас провожу и супругу с рук на руки сдам...

Вадим топтался на углу, возле троллейбусной остановки. И промерз и заждался, обещала же к восьми быть дома, теперь уж ссора была неминуема.

Марина собиралась спокойно, с достоинством объяснить ему причину опоздания, но он, шагнув ей навстречу, спросил испуганно: «Ты что, Марина? Где ты была?»

Григорий Иванович взял Вадима под руку.

— Задержали мы вашу супругу... Тут, понимаешь ли, такое дело...

Марина молча покивала им и побежала к подъезду своего дома. Обернувшись, постояла минутку в подъезде, посмотрела, как, поглощенные разговором, не спеша идут мужчины вдоль заснеженной улицы.

«...Как всегда, восхищена твоим остроумием. С луны я не свалилась, воспитывалась не в теплице, а вот в отношении стеклянного колпака ты угодила прямо в точку.

Многие из нас (и ты в том числе) действительно произрастали под этим незримым стеклянным колпаком.

А теперь жизнь берет нас за шиворот и не только бесцеремонно тычет кое-куда носом, но и требует от нас определенных решений и действий.

Только теперь я обнаружила, например, что нашу семью можно назвать счастливой: в нашей семье нет пьяниц.

Возможно, этим объясняется, что я, проживши на белом свете двадцать восемь лет, ни разу серьезно не задумалась над вопросом: что же это такое — алкоголизм? Ты понимаешь, Нинка? Просто не доходило до меня, какое это чудовищное бедствие.

Именно бедствие. И в общественном и лич-

ном плане. Разумеется, все мы прекрасно знаем, что у нас многие пьют.

Очень единодушно мы все возмущаемся, сокрушаемся, негодуем, осуждаем, порицаем... С гневным гражданским пафосом взываем к сознанию друг друга: «Граждане, не проходите мимо!!»

Но, столкнувшись лично с этим «омерзительным явлением», гадливо морщимся — очень уж противно — и норовим проскользнуть именно мимо или просто трусливо нырнуть в кусты. Он ведь, этот пьянчуга, и оскорбить может и даже покалечить.

Закрываю глаза и вижу, как ты ехидно морщишь свой очаровательный римско-вологодский носик и заочно осыпаешь меня всяческими поносными словами: трибун запечный, кустарный философ, резонерствующая де-ма-го-гиня и т. д.

Нинка моя, Нинка! Как мне тебя недостает! Все думаю, думаю: откуда в нас эта подленькая терпимость? Один весьма образованный дядечка с ученым видом и противной ухмылкой подводит под современное пьянство научно-историческую базу.

Берет за основу прославленный в веках тезис князя Святослава: «Веселие Руси есть пити...» — и, ловко оперируя вескими цитатами, ссылками на авторитеты, историческими анекдотами, от X века, просто играючи, добирается до наших дней. «Научно» анализируя современное пьянство как следствие, он обрушивает на потрясенных собеседников лавину ультрасовременных причин. Тут тебе и поток информации, и вторжение в сознание человека сверхсложной техники, и сверхзвуковые скорости, и подсознательный страх человека перед сюрпризами атома и космоса, и еще всяческие страсти-мордасти. Ну, а вывод можешь сделать самостоятельно: наш слабый духом современник в водке ищет забвения, пытается хотя бы ненадолго уйти от действительности. Здорово звучит?!

Второй добродушно поучает, что пить надо уметь. Ведь недаром народная мудрость гласит: «Пьян да умен — два угодья в нем», «Пей, да дело разумей», «Пить, да ума не пропивать» и т. д. А рядом сердобольная душа возмущается: «И чего к пьяному человеку привязались?! Какой с пьяного спрос?!» Или: «Подумаешь, выражается человек. Выпимши, вот и выражается. Тебя, что ли, он обругал? Он же тебя не трогает».

И самый веский, распространенный аргумент: «А тебе какое дело? Не на твои пью».

Мастер тащит ученика «обмывать» первую мальчишескую получку. Его, негодяя, нужно судить как уголовника за растление несовершеннолетнего, а мы отделываемся возмущенной болтовней да порицанием.

Врач с горечью и болью толкует о рождении неполноценных детей, зачатых пьяными родителями, о маленьких невропатах и психически больных детях, искалеченных в семьях алкоголиков. Учителя сокрушенно констатируют: «Ребенок растет в нездоровой обстановке».

Маленькая иллюстрация: во время перемены учительница с негодованием рассказывает, что в соседнем доме «женщина очень нехорошего поведения» пьет, приводит на ночь мужчин. И все это происходит на глазах ее девятилетней дочери.

В учительской возмущенный гул. Все наперебой начинают делиться «своими случаями». А рассказать каждому есть о чем. Во многих семьях дети активно участвуют в родительских пьянках. Подвыпивший папа в припадке слюнявой нежности к восьмилетнему сыну подносит ему «рюмашечку». Пьяненькая мама под восторженный гогот пьяных гостей сыплет непристойными частушками...

Девочке-девятикласснице любящая мамочка справляет день рождения с обильной выпивкой. Причем по решительному требованию именинницы взрослые уходят из дома, чтобы «не мешать ребятам веселиться». Примеры один другого ужаснее сыплются, как из мешка. Но вот прозвенел звонок. Учителя (и я в том числе) расходятся по классам. И ни один из нас не рассказал, что же он практически предпринял, какую сделал попытку, чтобы помочь ребенку, живущему в этой, мягко выражаясь, нездоровой обстановке.

Ты умница, Нина. Объясни мне, что это такое? Равнодушие? Или какой-то идиотский фатализм, признание своей беспомощности? Неужели действительно мы бессильны против этого «многовекового и неискоренимого зла»?

Не могу и не хочу этому верить. Ложь. Постыдная ложь, выгодная для всех, кто привык безмятежно отсиживаться в своей уютной «хате с краю». И в то же время не могу понять, как я — учительница — могла спокойно жить, зная, что моих ребят кто-то систематически и безнаказанно калечит?

Англичане говорят: «Мой дом — моя крепость». И у нас кое-кто вопит «о недопустимости вторжения постороннего лица в интимный мир семьи». Они зловеще предостерегают, что неосторожным вмешательством можно нанести непоправимый вред и т. д. и т. п. Опять же ложь. Лицемерная уловка, прикрывающая нашу бездеятельность.

Во всяком случае, учитель обязан без всяких ханжеских ужимок именно вторгаться в этот самый неприкосновенный «интимный мир семьи».

Я не посторонняя. Я обязана знать всю подноготную жизни моих ребят. Вы привели его ко мне семилетним несмышленышем. Вы доверили мне его воспитание. Тем самым вы заключили со мной договор о сотрудничестве на долгие десять лет. За эти годы мы должны вырастить из нашего малявки полноценного человека.

Какая же я посторонняя? И вообще, Нинка, ты ощущаешь, как мерзко звучит это слово — посторонний? Я сейчас как-то по-новому стала вслушиваться — или вдумываться? — в смысл некоторых слов. К примеру, атмосфера нетерпимости. Воспринималось это выражение как благозвучный лозунг, и только. А знаешь, как теперь я представляю себе эту самую атмосферу нетерпимости?

Натолкнулся на гадость — переломи брезгливость и страх запачкаться. Не выжидай. Не молчи. Не хныч. Делай, что сможешь и как сумеешь. Беги к людям, тащи их на помощь, втягивай в драку всех, кого сможешь и сумеешь втянуть.

Чтобы получилось что-то вроде цепной реакции. А главное, не бояться, что какой-то кретин над тобой посмеется: «Подумаешь, боец! Воинствующий лилипут... с тросточкой на носорога... с рогаткой против тигра...» и т. д.

Ты спрашиваешь, каковы практические результаты нашего «внедрения в жизнь». Пока особенно хвалиться нечем. Беда в том, что я, например, сама часто не могу разобраться: «Что такое хорошо...»

После того бурного педсовета, о котором я тебе писала два месяца назад, наш «дружный, спаянный» педколлектив раскололся на два лагеря. Драгоценному дяде Мише вкатили наконец «строгача» и предупредили об увольнении, если его еще раз ребята увидят пьяным. Подумать только! Человек отдал школе больше десяти лет труда, незаменимый работник, правая рука директора! В конце концов он же не педагог, а только завхоз и почти перед выходом на пенсию — какая жестокость!

Мужа школьной технички Кати — нашими молитвами — в принудительном порядке направили на лечение. Раньше Катя рыдала и демонстрировала свои синяки и кровоподтеки всем желающим, теперь рыдает и всюду жалуется, что мы «загнали Костю в сумасшедшую больницу».

Некоторые сердобольные душеньки считают их чуть ли не мучениками и с пеной у рта талдычат о необходимости «воздействовать методами убеждения», хотя прекрасно знают, что многолетние «убеждения» на дядю Мишу, например, никакого «воздействия» не оказывали.

А сейчас ходит он туча тучей, с мрачным выражением на лице, но пьяным его больше никто ни разу не видел. Несмотря на споры и принципиальные разногласия, мы теперь знаем всех «неблагополучных» родителей наших ребят, и не только классные руководители, но и весь коллектив обсуждает наиболее тяжелые случаи, совместно решает, какие меры нужно принять.

Ну, кроме этого, некоторые из нас занимаются и посильной самодеятельностью. Выпадают радостные дни — летишь на крыльях. А иногда получишь такой щелчок, что крылышки опускаются. Но ненадолго. На прошлой неделе один папаша обложил меня такой «изящной словесностью», что я чуть не оглохла. А вчера он подкараулил меня у нашего подъезда, и так мы с ним славно, по душам поговорили и договорились кое о чем очень существенном. Смешнее всего получилось у нашей исторички Надежды Николаевны. Папаша двух ее девчонок-учениц дома систематически буянит, пускает в ход кулаки, похабно ругается. Поначалу Наденька пыталась «воздействовать методами убеждения». Для него эти методы, как мертвому горчичник. Тогда пошла она по квартирам соседей. Сосед справа — шофер, слева — доцент, кандидат наук. На втором этаже — шеф-повар из ресторана. Мужчины говорят: «Нам и самим надоело эти скандалы слушать, но что мы можем сделать?» А Надя плечиком пожала: «Неужели женщина должна вам подсказывать...» Ну, в общем, подключили к заговору жену и девочек. Разработали систему сигналов: по водопроводным трубам три раза — стук, стук, стук.

Вот в субботу поздним вечером начинается очередной погром. По трубам сигнал: «SOS! SOS! SOS!»

Мужики прибегают. Доцент тоже сначала пытается воздействовать «методом убеждения». В ответ поток оскорбительной ругани. Свалили мужчины папочку, ручки-ножки связали. Он рот разинул, орет, хлещет похабщиной. Доцент из тещиного фартука раз-раз соорудил хорошенький кляп и ловко так ему рот заткнул. Шеф-повар похлопал папочку по плечу, говорит ласково: «Ну вот, Семен Иванович, лежи, отдыхай, а завтра поговорим». Утром пришли уже пятеро, еще двух соседей прихватили. «В твои семейные дела,— говорит,— мы вмешиваться не собираемся. Зашли мы по-соседски, по-мужски тебя предупредить: больше мы сабантуев твоих терпеть не намерены. У нас у всех дети, старики больные, им покой и тишина нужны.

Еще разок придем, успокоим по-вчерашнему, а на третий раз вызовем санитарную машину и отправим куда положено, на длительное лечение. Есть договоренность, место тебе обеспечено». Он потом соседу-шоферу говорит: «Здорово вы, Паша, мне тогда бока намяли...» — а Паша: «Что ты, дядя Сема?! Ни-ни! Мы культурненько: положили, связали, рот заткнули, чтобы ни себе, ни людям спать не мешал». Он головой покачал: «Кандидат-то этот ученый, поглядеть — соплей перешибешь, а кулаки — дай боже! Я хоть и шибко пьяный был, а что-то мне такое мерещится».

Надюша рассказывает, хохочет и чуть не плачет: может быть, нельзя так? А по-моему, главное — это цепная реакция. И взаимопомощь. Танюшка, помнишь, я писала, дочь той гулящей мамы, оказалась очень слабенькой. Депутат Ольга Дмитриевна достала для нее путевку в санаторную лесную школу. Мать Танюшки окончательно опустилась. Сейчас судьбой ее занялись добрые люди, но, возможно, вопрос встанет о лишении ее материнских прав. Все это очень тяжело.

«Цепная реакция» свела меня с интереснейшим человеком — следователем по делам несовершеннолетних. А через него я впервые вошла в непосредственный контакт... с милицией. И опять открытие: оказывается, в милиции теперь работают симпатичные, интеллигентные парни. Отзывчивые и сердечные. С их помощью нам на днях удалось предотвратить большую беду в одной очень несчастной семье.

Ну, на сегодня достаточно. Вадим пригласил меня к себе в лабораторию на вечер. Ухмыляется интригующе, видимо, будет что-то интересное.

Салям, Нинка-ханум! Закрой глазки и спи, а мы пошли развлекаться.

P. S. Нинка-засоня, проснись на минуточку. Вадим уже дрыхнет, а я должна рассказать тебе, не откладывая, все, как было. Иначе что-нибудь забуду или упущу.

Когда Саша Гурьянов открыл вечер, я поняла, почему Вадим ухмылялся с таким значительным и таинственным видом. Собственно, это был не вечер. И не собрание и не диспут. Просто был большой деловой разговор... о пьянстве.

Народ собрался в основном молодой, примерно наших с тобой лет, но если бы слышала, с какой тревогой, с каким чувством ответственности говорили они о «младших»! В каждом выступлении повторялись слова: подросток, ребята, дети, ребенок. Выступления были очень резкие, критические и по-хозяйски смелые. Конечно, я не в силах дословно пересказать тебе всего, что там говорилось. Попробую передать то, что наиболее врезалось в память.

Основные мысли и положения.

«Каждый подросток мечтает стать спортсменом, ученым, артистом, космонавтом.

Он не знает, что для достижения этой цели человек должен обладать особым даром, талантом. И каждый втайне уверен, что именно он таким даром владеет. Суметь ему доказать, что самый беспощадный враг любого таланта — это алкоголь,— вот наша главная задача».

«Мы должны научиться убеждать неопровержимо. На достоверных жизненных примерах и фактах. Умно, документально, наглядно. Алкоголь разрушает здоровье человека.

Расскажите ему на уроке, на лекции, в личной задушевной беседе; дайте прочитать специально для него написанные статьи, книги, брошюры; покажите наглядно на экранах кино и телевизоров, как неизбежно и необратимо алкоголь разрушает живые ткани, кровь, нервную клетку.

Раскройте перед ним жестокую картину гибели человеческого интеллекта. Пусть от начала до конца он проследит трагедию перерождения человека в жалкое, омерзительное животное».

«Каждый мальчишка, каждая девчонка втайне мечтает о любви. Докажите им неопровержимо, что самый коварный враг, нет, не враг, а убийца любви — это алкоголь.

Основа любви — это взаимное уважение, доверие, уверенность друг в друге. Увидеть любимого в унизительном, жалком состоянии опьянения — это конец любви. Ее подменит чувство жалости. Рухнут уважение, уверенность в завтрашнем дне. Что можно доверить человеку, если он сам не может за себя поручиться?»

«К сожалению, мы настолько целомудренны и добродетельны, что даже с десятиклассниками не решаемся говорить на темы любви, секса, брачных отношений.

Сегодняшний подросток всего через несколько лет станет возлюбленным, мужем, отцом. Мы обязаны своевременно воспитывать в нем чувство ответственности перед его будущей семьей. Он должен знать, что такое наследственность, как алкоголь влияет на потомство. Он должен осмыслить, что нет ничего ужаснее — родить ребенка-урода и знать, что это ты виновник его неполноценности, его страданий». В заключение Саша Гурьянов сказал:

«В борьбе с алкоголизмом наша пропаганда бездарна и беспомощна. Беспомощна потому, что безоружна. Какой вклад в эту борьбу внесли такие всемогущие источники пропаганды, как литература и искусство?

Вот если бы можно было поклониться нашим ученым, писателям, драматургам, режиссерам, артистам: товарищи, вооружите нас талантливыми фильмами и спектаклями, книгами и лекциями, используйте всю волшебную силу ваших талантов во всенародном походе против общего нашего врага».

Знаешь, Нинка, может быть, я просто сентиментальная дура, мне сейчас ужасно хочется поплакать, но в одиночку реветь скучно, а Вадим дрыхнет. Между прочим, какая я была идиотка: мне всегда казалось, что Вадим недооценивает нашу профессию и мало интересуется моими школьными делами. Это он вместе с Григорием Ивановичем убедил меня выступить на заводском собрании. Подробно об этом в следующем письме.

Я страшно трусила, даже икать начала с перепугу, но потом как-то сами собой нашлись все нужные слова. Вадим, Григорий и Сотников с Андреем третье воскресенье пропадают на речке. Вся четверка помешана на подледном лове.

После собрания Сотников со мной не здоровается, а с Вадимом сражается в шахматы. Играют они у Григория Ивановича. Знаю, что «ура» кричать рано, что Сотников может еще не один сюрприз нам преподнести, но вчера не утерпела, говорю Вадиму: «Почему ты не пригласишь Сотникова к нам в шахматы играть?»

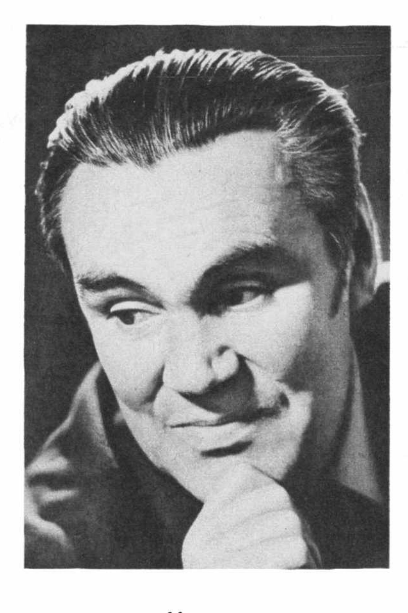
Вадим покосился на меня, покачал головой, усмехнулся и голосом Григория Ивановича говорит: «Экая ты, мать, торопыга...» Ну все. Можешь засыпать окончательно. И не злись, что пишу редко. Редко, зато не письмом, а увесистой бандеролью. Спи!

Марина.

P. P. S. А у Андрея появился портфель. Желтенький, настоящий».

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВА

С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Дмитрий **КОВАЛЕВ**

«Голубем моего детства» для меня, как и для многочисленных моих сверстников, взмыло имя Сергея Васильева в те, далекие уже, довоенные годы. Стихотворение это давно стало хрестоматийным, в нем сразу и ярко проступили черты характера поэта. Взвихренные чувства, романтика революционной юности — и подлинно сибирский не говорок, а говор. Такое стихотворение, став знаменитым, запросто могло занять место в самом зените творчества поэта и затмить собою все созданное им потом. С Сергеем Васильевым этого не случилось.

Имя поэта и лучшее из того, что он создал, известно широкому читателю и любимо им. В самом деле, кто же не пел, кто не знает такие песни, как «Приходите свататься, я не стану прятаться», где даже в незатейливом припеве чувствуется характер и веселый задор, или разливные, переполненные горячим чувством строки о родине:

> Любимая, знакомая,
> зеленая, бескрайная,
> земля родная — родина!
> Привольное житье!
> Эх, сколько мною езжено,
> эх, сколько мною видено,
> эх, сколько мною
> пройдено,—
> и все вокруг мое!

Я не говорю уже о таких широко известных песнях, как «Фуражечка», «Девичья ласковая», «Молодежная». И это только одна, может, не главная грань многообразного и разностороннего таланта Сергея Васильева. Когда читаешь вышедший недавно в издательстве «Художественная литература» его двухтомник, в который вошли и лучшие стихи, и добрый десяток поэм, и песни, и не менее известные его пародии, и «Проза про поэзию», и переводы замечательного азербайджанского классика Сабира, убеждаешься в этом. Но при всем жанровом разнообразии в творчестве поэта он неразделимо цельный, единый.

Явная, обнаженная публицистичность, я бы сказал, агитационность поэзии Сергея Васильева не разрушает ее художественной цельности. Поэту свойственна разговорная народность речи, естественность ее, непричесанность. И располагает к ней прежде всего то, что она, его живая речь, откровенно резкая и прямая, определенна и проста. На самом деле за простотой Сергея Васильева всегда ощущается жизненная сложность по крупному, что называется, счету.

Первой настоящей пробой молодого поэта стала поэма о матери героя гражданской войны полководца Дыбенко, женщине, после стольких потерь и мук сохранившей высокий и светлый взгляд на жизнь, на человека, на его будущее. Главное — веру во все лучшее, уверенность, силу духа. Горькому понравилась эта первая большая вещь Сергея Васильева, он подсказал ему, что улучшить в ней, и напечатал ее в журнале «Колхозник», которым сам тогда руководил.

С самого начала своего творческого пути Сергей Васильев не был ни крестьянским поэтом, ни урбанистом, хотя люди села и люди города равноправно поселялись в его стихах и поэмах. Здесь кузнец Жорка, отменный и лихой мастер сельской кузницы, дядя Егор, простодушно рассказывающий о щенке, которого он спас и выходил и который потом, во время пожара, вынес из огня ребенка... Здесь и метростроевка, и подмосковные шахтеры, и шоферы, и русский Икар—Можайский, и чудодей земли мужицкой, академик, земляк поэта Мальцев. Верным своей повествовательной манере поэт остается и на войне. Все это, по существу, рассказы в стихах — и «Русская мать», и «Наташа» — наиболее, пожалуй, пронзительное из всех,— и «Трое у костра», и «Поле русской славы», и «Улица Ленина». И только «Весна и победа» написана, как взахлеб пишутся лирические стихи, где уже, озаренные победным салютом той весны тени скорби как бы стали резче и глубже на лицах людей, не дождавшихся единственных своих, и где уже «не письма, а руки, писавшие их», прикасались к щекам и губам любимых и матерей.

Видно, в самом основании русского народного характера коренится эта неуступчивая уверенность в завтрашнем дне, что живы будем, не помрем, что утро вечера мудренее, что бог не без милости, а казак не без доли. Ведь и я привык когда-то все это чуть ли не ежедневно слышать от своей матери, которая никогда не унывала и не выдавала своего отчаяния, а, наоборот, умела всех настроить на чуть ли не веселый лад даже в самой крайней нужде. У Сергея Васильева он преобладает над всем, этот житейский оптимизм. И неспроста столько задиристости, искристого задора, какой-то бесшабашной и никак не наигранной лихости в его лучших, может быть, стихах о голубях, о шофере, о рыбной ловле:

> Тот, кто лавливал на зорьке
> окуньков или ершей,
> кособокое ведерко
> наполняя до ушей
> скользкой живностью колючей,
> краснопёрой мелюзгой,
> удивительно живучей,
> соблазнительно пахучей
> и увертливой такой!..

Право же, трудно прервать этот искрометный, льющийся родник живой, певучей речи... И так об отдыхе, об охоте, о раздольях русских, что всюду видишь все того же необычно обычного простого человека.

Сергей Васильев много и интересно пишет о своем брате писателе, поэте. Одна из его последних книг, вошедшая в двухтомник, «Проза про поэзию», наглядно демонстрирует эту сторону дарования поэта. Читаешь ее с большим интересом. Васильев берет круг поэтов близких себе, наиболее, пожалуй, близких, таких, как Есенин, Асеев, Демьян Бедный, и всегда пытается понять и осмыслить в них главное, чем они ему дороги, чем близки, что в них поэт не приемлет.

Но талантливее всего, мне думается, он выворачивает прямо-таки наизнанку всю подспудную и явную борьбу в разные времена разных течений и отдельных индивидуальностей в своих заразительно смешных пародиях. Не сделаю, видимо, никакого открытия, если скажу, что Сергей Васильев — самый талантливый, самый сильный пародист из всех ныне живущих. Здесь слово его становится предельно сжатым, четкость и выразительность достигают того предела, а мысль той определенности и меткости, когда строка буквально разит наповал. И тем не менее не чувствуешь злорадной, как это иногда бывает, авторской ехидности, грубой озлобленности. Вот, например, об излишней самоупоенности сравнительно молодого поэта:

> Я — каленый,
> смоленый,
> дубленый,
> влюбленный
> в сокровища с детства.
> Я на собственный пуп свой
> соленый
> не могу наглядеться.

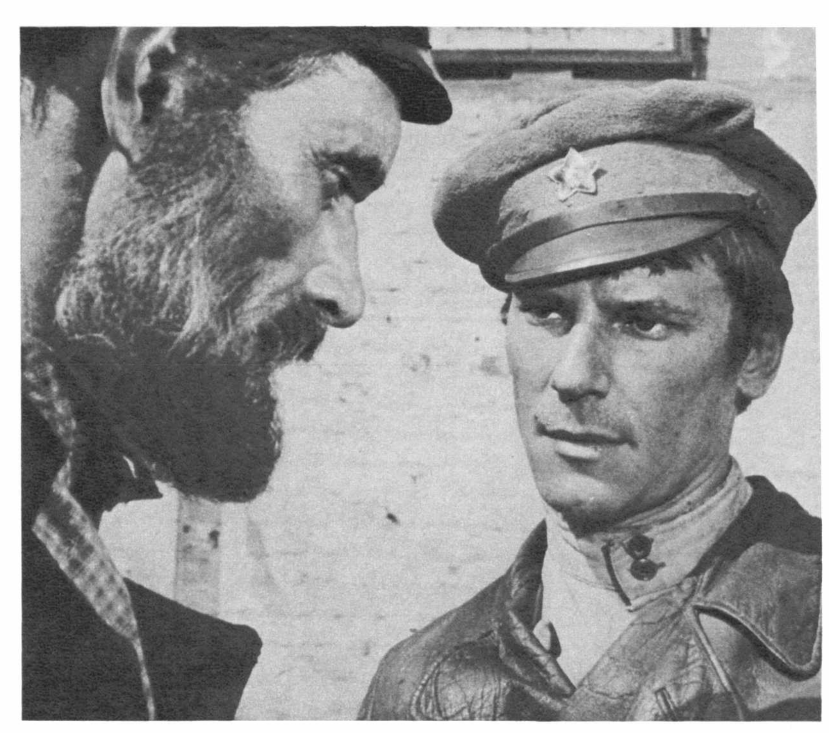
Здесь и биографическое — моряк в прошлом — как заиграло!

В последние годы поэт расширил свои горизонты, немало поездив по социалистическим и капиталистическим странам. Его дневники, его сатирические стихи и стихи-рассказы многое откроют читателю потому, что их написал поэт со своим взглядом на вещи, видящий по-своему. Здесь он больше предстает как публицист.

У Сергея Васильева, крупного русского поэта, широта едина потому, что едино и цельно его вдохновленное любовью к Советской Родине мировоззрение. Он коммунист, и это о многом говорит. Отсюда источник его поэтических успехов, его плодотворной и самоотверженной работы.

Я не знаю людей, которые относились бы к нему безразлично. Большинство принимает его горячо и с открытым сердцем. И это, пожалуй, главное для поэта. Это — лучшее мерило того, что он уже сделал, что делает и что ему еще предстоит сделать.

Сил ему, и здоровья, и долгих, наполненных до краев, погожих лет.

Кадр из фильма. В. Шульгин в роли старика Бодягина; С. Шануров — продкомиссар.

ШОЛОХОВСКИЕ ОБРАЗЫ

Молодые режиссеры — выпускники ВГИКа В. Шамшурин и В. Кольцов, О. Бондарев и В. Ланской — создали фильм «В лазоревой степи» по ранним рассказам Михаила Шолохова «Коловерть», «Червоточина», «Продкомиссар».

Становление нового мира на «тихом» Дону, беспощадная, испепеляющая классовая борьба — тема волнующей картины.

Авторы «Коловерти» прибегают к выразительному метафорическому приему, изображая обнаженных мальчиков, вбегающих в реку в сиянии ослепительного солнечного дня. Образ детей начинает и заканчивает киноновеллу, поражающую зрителя яростным накалом чувств...

От рук врагов гибнут казаки, ставшие на сторону Советской власти — невиданного доселе мира,— беззаветно шагнувшие ему навстречу... А свободно играющие на берегу Дона мальчики представляются счастливо найденным видением чистого, блистающего завтра, во имя которого лилась кровь в лазоревых донских степях.

Если в «Коловерти» столкновение противостоящих сил происходит в жаркой схватке, когда нет места сомнениям в ответе на вопрос «ты с кем?», то «Червоточина» по-иному решает проблему подобного выбора.

Спокойна уверенность юного «комсомолиста» в истинности свершившейся Революции. Родному своему брату, матерому кулаку, он говорит: «Зубы повыпадут, покель дождешься переворота!»

Но вот камера медленно поднимается ввысь, и уже не кажется таким прекрасным широко раскинувшийся, мерцающий серебром Дон, когда мы видим на высоком берегу убитого юношу...

Завершает фильм киноновелла Олега Бондарева «Продкомиссар». Ее герои — отец и сын Бодягины— люди двух чуждых друг другу миров; между ними нет и не может быть не только какого-либо компромисса, но даже его поиска. Саботажник и враг, старик Бодягин, выслушав свой смертный приговор, с торжеством говорит сыну, красному продкомиссару: «Идут с Хопра казаки вашевскую власть резать...»

Сын становится и судьей отца и свидетелем его смерти. И сам гибнет от рук белых казаков.

Так было на Дону...

Создатели фильма очень тонко вносят в изобразительную канву колоритный образ Дона, его бескрайних степей, перекати-поля, туманных рассветов над донскими станицами...

Участие в работе над картиной Ю. Б. Лукина, известного знатока шолоховского творчества, безусловно, помогло талантливым молодым режиссерам создать яркий, органически цельный, впечатляющий фильм.

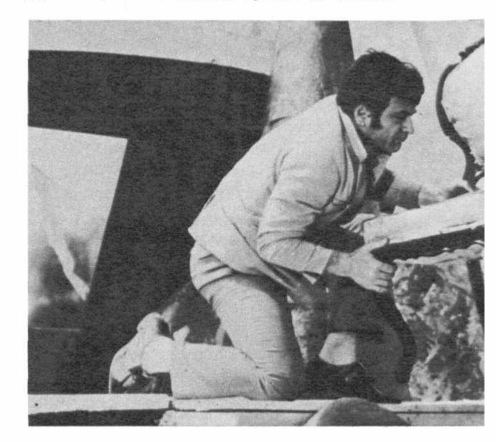
В. АБРОСОВ

БЕНДЕР СНОВА

Два года назад на одной из пресс-конференций режиссер-комедиограф Леонид Гайдай, отвечая на вопрос «над чем вы сейчас работаете?», сказал, что мечтает об экранизации «12 стульев». И вот картина закончена производством, и ее уже смотрят первые зрители...

— Перед нашей съемочной группой,— рассказывает Л. Гайдай,— стояла довольно трудная задача. Ведь к знаменитому роману уже не раз обращались кинематографисты. В начале тридцатых годов появился польско-чешский фильм с Адольфом Дымшей в главной роли. Через несколько лет сняли в Англии картину на сюжет «12 стульев». Затем к роману обратились кубинцы. А недавно американская кинофирма поставила фильм по сюжету романа Ильфа и Петрова. Так что, видите, не я первый, не я последний...

В какой-то степени и «Золотой теленок» М. Швейцера тоже мог быть нашим «соперником». Однако наша группа мужественно преодолела все сомнения. Мы понимали: крепчайшим фундаментом для нас остается сам роман наших замечательных сатириков. И мы с величайшим увлечением пустились в киноэкспедицию по следам героев Ильфа и Петрова. С нашими съемками мы точно следовали по их маршруту: город Рыбинск стал Старгородом; Тутаев — городом N; маленький волжский городок Работки — Нью-Васюками; Москва снималась, разумеется, в Москве, а Пятигорск — в Пятигорске и так да-

ГОСТИ-ВОЛГОГРАДЦЫ

Сцена из спектакля «Обручальные кольца».
В новом кафе строители принимают иностранного гостя. Канадец-турист—артист С. Алоянцев. Комендант — заслуженный артист РСФСР М. Таубе. Полюшкин — артист А. Кузьмин.
Фото Е. Умнова.

Шел 1944 год, а в город Сталинград вернулся Театр музыкальной комедии. В чудом сохранившемся Дворце культуры тракторного завода при переполненном зале снова шли веселые, жизнерадостные спектакли. Каждому тогда доставалось работы за двоих, за троих, ведь многие из коллектива воевали на фронте. И не было предела радости, когда вдруг возвращался кто-нибудь из друзей — актер в военной гимнастерке, с планочкой орденов и медалей на груди... С одним из них сейчас мы встретились в Москве, на гастролях Волгоградского театра музыкальной комедии. С. Алоянцев воевал в десантных войсках, но в спектакле «Мечтатели» Е. Гальпериной и К. Листова он играет бравого фронтового кашевара Налевайко. По ходу действия едет он с бывшим своим фронтовым капитаном на новую волжскую стройку и, как бывало на войне, будет в поле варить нашу для строителей....

Оперетта «Мечтатели» получила в театре второе рождение. В центре внимания — психологическая линия цыганки Маши; ее играет артистка М. Галимханова. Дикая, запуганная ужасами войны, одинокая девочка постепенно перерождается в человека гордого, достойного большой любви и дружбы.

Волгоградцы привозили в Москву большой репертуар, но с особой гордостью рассказывает главный режиссер театра Ю. Генин о спектакле «Требуется героиня» В. Баснера. Этот спектакль удостоен премии на Всесоюзном смотре, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Главные роли — Вики и Аскольда — исполняют артисты Т. Подберезкина и Ю. Чиркин. Это отличный опереточный дуэт — лирический и в то же время озорной, с блеском исполненный артистами.

«Обручальные кольца» — название, незнакомое москвичам. Театру принадлежит «открытие» еще одной оперетты Ю. Милютина. Вообще, как выяснилось, этому театру свойственно быть первооткрывателем. Именно здесь впервые появились на сцене «Сердце балтийца», «Севастопольский вальс», «Уют сталинградцы» и многие другие спектакли.

Вероятно, это и сообщало исполнителям тот особый творческий задор, с которым они играли. Наибольший успех у зрителей вызывали прекрасно поставленные танцы. Здесь балетмейстер К. Ставский показал особенно много интересного. Этим тоже, конечно, объясняется успех волгоградцев в Москве.

Н. ЗЫБИНА

НА ЭКРАНЕ

лее, по Военно-Грузинской дороге, вплоть до Батуми...

В роли молодого Остапа Бендера, еще не «умудренного опытом» афериста, а довольно наивного, хоть и хитрого жулика — жулика по призванию, в нашем фильме выступает артист Тбилисского русского драматического театра Арчил Гомиашвили; в Грузии хорошо знают его композицию для эстрады «Золотой теленок», где он играет сразу несколько ролей. И, конечно, это имело значение для создания образа Остапа в кино.

Очень органично вошел в задуманную роль Кисы Воробьянинова Сергей Филиппов, как-то сразу и бесспорно нашедший рисунок образа. На роль отца Федора мы удачно пригласили Михаила Пуговкина. А замечательные артисты Юрий Никулин, Георгий Вицин очень убедительно, на мой взгляд, доказали еще раз, что в искусстве не бывает маленьких ролей.

...На этом наш разговор о «12 стульях» закончился. Но мы хотим сказать еще об одной маленькой, замечательно исполненной роли — Архивариуса. Появляясь на экране всего на несколько минут, Архивариус тоже надолго запоминается зрителю. Роль эту играет режиссер нового фильма — Леонид Гайдай.

Н. СИЛАНТЬЕВА

На снимке: А. Гомиашвили — Остап Бендер и С. Филиппов — Киса Воробьянинов.

Ю. Соломин в роли Головко.

В РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ЮРИЙ СОЛОМИН

— Мы сначала просто уважали и ценили своих героев, а потом полюбили их; стали относиться к ним даже с нежностью,— откровенно сказала на премьере художественного фильма «Инспектор уголовного розыска» С. Цыбульник, режиссер-постановщик картины, созданной на Киевской киностудии имени Довженко по сценарию М. Маклярского и К. Рапопорта.

Когда смотришь фильм, то чувствуешь безошибочно всю глубину вложенной в него души и мысли. Не очередной детектив выйдет вскорости на экраны страны, а умная, глубокая картина о нашей жизни, где есть и хорошее и дурное, где рядом с большим и светлым, складно идущим существованием людей появляются вдруг судьбы искривленные, характеры темные и крутые, поступки беспощадные и к себе и к другим... И как бы ни были редки, случайны такие поступки, общество наше не может закрывать на них глаза.

Сложную тему преступности в еще более сложном аспекте нравственных задач борьбы с преступностью фильм решает смело и твердо, без сюсюканья... Мы видим, что разная бывает преступность, по-разному люди сбиваются с пути и, значит, разные нужны методы борьбы с теми, кого теперь будут звать страшным словом — «преступник»...

Обаятельнейший образ Сергея Головко, инспектора уголовного розыска, создает Юрий Соломин.

Человечность, советский гуманизм, лежащие в основе не только всех наших законов, но и в основе работы людей, занятых расследованием уголовных преступлений,— вот этическая и эстетическая концепция, делающая картину серьезным, нужным исследованием быта и нравов.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ТЕМП И ЕЩЕ РАЗ ТЕМП!..

Строг сегодняшний театральный зритель, разборчив. Его может заинтересовать постановка, но он недоволен, например, какой-то актерской работой; или ему нравится пьеса и не очень нравится режиссура...

Иными словами, немногие спектакли могут похвастаться полным зрительским одобрением. Но такие спектакли, безусловно, есть, и среди них — «Темп — тысяча девятьсот двадцать девять». Это сценическая композиция по ранним произведениям Николая Погодина, интересно и своеобразно поставленная режиссером Марком Захаровым на сцене Московского театра сатиры. Спектакль не может не привлечь внимания. Здесь режиссура, работа актеров и, конечно, драматургия как бы «нашли» друг друга, объединились и дали зрителю чудесную возможность лицезреть результат подлинного творчества.

О чем спектакль? О строительстве одного из первых гигантов индустрии, о людях, совершающих трудовой подвиг во славу своего молодого государства.

Темп, темп и еще раз темп!

Неудержимо приближаются сроки окончания строительства. И действие развивается столь же динамично: у героев нет времени на долгие размышления, обсуждения — все решает работа. Труд, как сквозь сито, просеивает людей, откидывая саботажников, лентяев, паникеров, перековывая слабые характеры и закаляя сильные. К сроку сдачи завода на строительстве останутся в основном энтузиасты — люди кристально чистые, натуры цельные, энергичные.

В программке к спектаклю написано, что «Темп — тысяча девятьсот двадцать девять» — музыкальное представление. Это так и есть. Музыка композитора Г. Гладкова, так же как и песни на слова Р. Рождественского не просто сопровождают спектакль. Песни врываются в ткань постановки, ведут за собой зрителя и героев, создавая самое разное настроение — лирическое, веселое или мрачное, торжественное,— превращая сценическую композицию в поэму. В поэму о героизме людей-тружеников — таких, как, например, обаятельный парнишка Максим, сыгранный А. Левинским, сыгранный так, что его герою можно верить безоговорочно: он, как говорится, и сам горы свернет да и других без дела не оставит. А рядом с ним комсомолка, энтузиастка Анка Н. Защипиной.

Максим — А. Левинский, Гай — Р. Ткачук.

Фото В. Петрусовой.

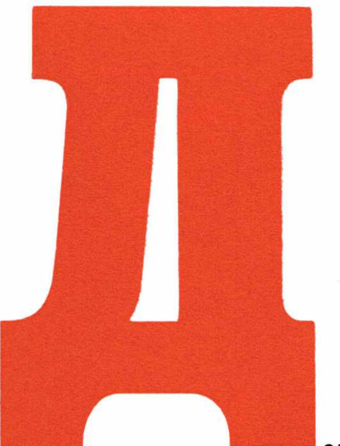
Но прежде всего на первом плане, конечно, директор завода Григорий Гай в исполнении Романа Ткачука. Перед нами — личность замечательная, сложная. Гай Ткачука может быть одновременно жестким, мудрым, нежным, неловким и обходительным, растерянным и решительным. Это живой человек, но ко всему тому мы все время видим перед собой руководителя огромного строительства, умеющего забыть о себе и своих личных невзгодах, когда дело касается его подчиненных, умеющего себя и других направить на преодоление трудностей...

О «Темпе», о погодинских героях, заново вышедших на сцену, можно говорить много, потому что зритель о многом думает, уходя из театра, унося в душе чувство светлой радости, удовлетворенности. Подобное чувство возникает при встрече с настоящим искусством.

Нат. АЛЕКСЕЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ ЯПОНИИ

Юрий ЖУКОВ
Фото автора.

Долгие три недели длится это увлекательное морское путешествие. Владивосток — Ниигата — Нагасаки — Кагосима — Внутреннее Японское море — Осака — Киото — Нагоя — Токио — Никко — Камакура — Токио — Владивосток. Долгие три недели, столько встреч и впечатлений, что как-то не успеваешь даже ощутить движение времени. И когда на двадцать первое утро плавания вдруг слышишь из репродуктора ставший таким знакомым и привычным голос неутомимого организатора этой туристской поездки: «Итак, дорогие друзья, сегодня заключительный день нашего увлекательного путешествия»,— невольно ловишь себя на мысли: «Неужели плавание уже кончается?..»

Это интереснейшее путешествие нам, двумстам восьмидесяти пяти советским людям, довелось совершить на теплоходе «Приамурье» — его уверенно провел по всему маршруту вокруг Японии, что называется, без сучка и без задоринки, тридцатипятилетний капитан Георгий Александрович Унгвицкий; плавает он по морям и океанам с 1956 года, бывал и в Атлантике и в Тихом океане, повидал в далеких краях всякое, и нынешнее плавание было ему отнюдь не в диковинку.

Ну, а пассажиры в своем большинстве отправились поглядеть Японию впервые,— сто тридцать восемь рабочих и инженеров, тридцать врачей, тридцать семь преподавателей, девять экономистов, десять геологов, трое артистов, шесть агрономов, четыре художника — кого только не было среди нас! Люди из Приморья, из Магаданской области, с Камчатки, из Хабаровского края, из Якутии, из Москвы... Пока теплоход плыл от одного порта к другому, в обширной кают-компании звучала музыка, поэты читали стихи, зоолог из Якутии рассказывал о своих оленьих стадах, журналисты делали доклады о международном положении, рабочий с Камчатки описывал житье-бытье в этом дальнем краю, и все мы чувствовали себя, как в собственном доме. Но вот теплоход подходил к очередному причалу, бархатный голос сирены напоминал о том, что надо собираться в путь, и туристы, хватая на ходу фотокамеры и киноаппараты, стремглав мчались на берег, навстречу новым впечатлениям.

Сейчас, вспоминая об этом путешествии, я перебираю груду своих снимков, на которых запечатлены наиболее интересные мгновения. Хотелось бы показать многое: и многочисленные советские суда в каждом японском порту,— ведь наши экономические связи успешно развиваются!— и мощные верфи Нагасаки, на которых строятся нефтеналивные танкеры в сотни тысяч тонн водоизмещением, и запыленные улицы-ущелья Осаки и Токио, где движение идет по эстакадам в три этажа, и действующий вулкан Сакурадзима у самой-самой южной точки Японии, и, конечно, знаменитую Фудзияму, ослепительный конус которой мы увидели, поднявшись в горы близ Никко, и ласковых оленей в парках Нары, и древних карпов, которых нам показали в Ниигате,— они составляют предмет забот живущего там старика — коллекционера живых рыб...

Вот перед вами Нагасаки — город, сожженный вслед за Хиросимой американской атомной бомбой. Мы пришли к знаменитому памятнику, выражающему идею протеста против этого злодейства американской военщины, и долго стояли у его подножия, не замечая поливавшего нас мелкого, но въедливого дождя. Сюда, невзирая на дождь, шли и шли тысячи японцев. Они молча склоняли головы, возлагали цветы и отдавали деньги сборщикам пожертвований в фонд помощи тем, кто выжил после атомного взрыва, но навеки стал инвалидом...

Рядом — на крупном снимке вы видите папу, который привел своего сыночка в храм Конфуция,— это там же, в Нагасаки. Это — новое здание, оно построено уже после войны. В красивом, раззолоченном храме всегда многолюдно. Здесь не только молятся,— здесь отдают дань искусству: перед посетителями исполняют танец дракона. Дракон страшен на вид и по идее должен отгонять злых духов. Жители Нагасаки молятся, чтобы трагедия ядерной смерти не повторилась. Но чем дальше, тем больше людей осознают, что одними молитвами делу не поможешь, и антивоенное движение, которое всегда в послевоенные годы было сильно в Японии, сейчас переживает новый подъем.

На следующей странице вы видите снимки, отражающие некоторые своеобразные черточки японской повседневной жизни. Вот, например, школьники, пришедшие на урок рисования к старейшему и знаменитейшему замку в Осаке. Я видел, с каким старанием они работают,— чувство художественного вкуса здесь прививают с раннего детства, и многие из этих ученических работ хоть сразу отдавай на выставку.

А вот еще одна, поистине уникальная, бытовая черточка — щит с надписью «Сад новобрачных» и за ним — ряды только что посаженных пальм. Этот снимок я сделал на склоне потухшего вулкана близ города Ибусуки. Здесь отдают дань обычаю, достойному похвалы: новобрачные приезжают сюда, приобретают на 2 тысячи иен саженцев пальмы или камфарного дерева, сажают его, оставляют свою табличку; двадцать лет спустя муж и жена вернутся в этот сад, чтобы поглядеть, каким стало дерево, и поразмыслить над прожитой жизнью. На этом склоне вулкана «Сад новобрачных» был заложен четыре года назад. Сейчас в нем уже 30 тысяч деревьев.

Рядом вы видите веселых японских девчат — я сфотографировал их в Камакуре, близ Токио. Это тоже напоминание о еще одном похвальном японском обычае. Когда ребенок поступает в школу, родители начинают понемногу (речь идет о совершенно незначительной сумме, но она вносится регулярно, каждый месяц!) вносить деньги за будущее путешествие по Японии, которое школьники совершат вместе с учителем, заканчивая школу. И вот эти буквально ошалевшие от счастья ребятишки отправляются наконец в дорогу, чтобы своими глазами повидать собственную страну, историю и географию которой они изучали так долго. Помнить об этом, конечно, они будут всю жизнь.

А что это за будочка на снимке справа? О, это очень забавная история, напоминающая о том, какое большое значение в Японии придают сохранению легенд и мифов. Гиды Исо-парка в Кагосиме обстоятельно и с совершенно серьезным видом рассказывают туристам такую историю. В 1600 году могучий феодал Симоцу, отправляясь на войну, взял с собой семь кошек. Часов тогда у феодалов, уверяют гиды, не было, и они определяли точное время по кошачьим зрачкам, которые то расширяются, то сужаются, в зависимости от освещения. Кошки с честью выполнили возложенную на них миссию,— Симоцу благодаря им всегда точно знал, который час. И вот, вернувшись с войны в Кагосиму, признательный феодал соорудил храм кошек.

— Сейчас,— заключают гиды,— к этому храму приходят помолиться часовщики, желающие, чтобы их дела процветали так же, как процветали дела Симоцу...

И еще два снимка, напоминающие о самых последних впечатлениях от этой увлекательной поездки. Слева внизу второй странички вы видите дельфинов, играющих в ватерполо; я сфотографировал их в Камакуре, где они в отличном стиле выиграли партию у своего дрессировщика, забрасывая мячи в корзинку. Справа — наше прощание с Японией. Тут тоже — дань старинной традиции: уезжающие и провожающие соединены длинными-предлинными бумажными лентами, символизирующими их дружбу.

Сейчас «Приамурье», на палубе которого стоят наши туристы, отвалит от берега. Ленты будут долго разматываться, потом какая-то из них оборвется, потом оборвется другая, третья, двадцатая, сотая... Но несколько наиболее настойчивых провожающих еще долго будут наращивать свои ленты, удлиняя их за счет новых и новых катушек, и еще долго до нас будет долетать далекое прощальное «Сайонара!», а духовой оркестр будет играть популярный в Японии мотив «Вот мчится тройка удалая по Волге-матушке зимой»...

Потом оборвется и последняя нить, и «Приамурье» возьмет курс на Владивосток, чтобы вернуть нас домой и взять на борт новых пассажиров, которых манит ветер дальних странствий.

До свидания, Япония!

Советские туристы у памятника жертвам американской атомной бомбы в Нагасаки.

Венки и цветы в память о жертвах американской ядерной бомбардировки.

Посетители храма Конфуция в Нагасаки.

Они узнают о трагедии Хиросимы и Нагасаки лишь по рассказам своих дедов.

Сбор средств в помощь жертвам американской атомной бомбы.

新婚植樹園

27. МАРТ, 1943. ПАРИЖ. БУЛОНСКИЙ ЛЕС.

«Личный штаб» — это звучит громко, но не отражает сути дела. Личный штаб бригадефюрера Рейнике составляют два десятка сотрудников в звании не выше штурмбанфюрера, прикомандированных к нему из разных ведомств для особых поручений. Известная часть из них является членами гестапо и СД, среди остальных, наряду с разного рода специалистами из общих СС,— чины криминаль-полиции и полевой жандармерии. В Булонском лесу они занимают небольшой особняк, примыкающий к зданиям гестапо и служивший прежде для технических нужд. В штабе нет строгого разделения на отделы, каждый выполняет отдельные задания и подотчетен только бригадефюреру. Это довольно удобно для Рейнике; по крайней мере он может быть спокоен, что о его планах знают немногие и утечка сведений исключается почти на сто процентов.

До войны Булонский лес пользовался популярностью у парижан, но с тех пор, как гестапо избрало его для своей резиденции, французы, не сговариваясь, стали избегать этого района. Элегантные ландо и шарабаны — дань аристократической моде — уступили место на дорожках «оппелям» и «мерседесам», а праздные пары — усиленным патрулям в стальных шлемах. Солдаты из ваффен-СС останавливают каждого, кто приближается к гестапо, и проверяют документы: приказ обязывает их не верить никому и никого не узнавать в лицо.

И все-таки временами Рейнике кажется, что режим секретности недостаточно жесток. Своих людей он обязал деловые разговоры вести только в служебных помещениях штаба, а со вчерашнего дня запретил пользоваться городскими линиями телефона. Это распоряжение больно ударило по Мейснеру, привыкшему по нескольку раз на день болтать со своей толстушкой, проверяя, так ли уж она скучает без него в действительности, как утверждает, когда они остаются наедине. Увы, военная линия связи, обслуживаемая специалистами технического подразделения СС, недоступна для той, которая называет его «Пуппи».

В своем кабинете на втором этаже Мейснер ругает Рейнике. Мысленно, разумеется... Толстушка — это еще полбеды. Но вот Бергер,— если не позвонить ему, то дело кончится скандалом. Майор, несмотря на тихий голос и вежливые манеры, наводит на офицеров абвера страх не меньший, чем Скорцени на эсэсовцев. Бергер не занимает официальной должности в абвере, числясь приписанным к секретариату адмирала Канариса, но ни Остер, ни Лахузен, ни Пиккенброк, не говоря уже о руководителях более низкого ранга, не удостаиваются так часто похвалы Канариса и доверительных бесед с ним при закрытых дверях. Поговаривают, что Бергер в «ночь длинных ножей» помог отправиться на тот свет начальнику штаба берлинских СА Карлу Эрнсту, а в 1939-м приложил руку к организации инцидента в Глейвице, давшего Гитлеру формальный повод объявить войну Польше. Никто не знает наверняка, было это или не было, но вот то, что Бергер по заданию Канариса руководит «контрразведкой внутри контрразведки», не вызывает сомнений. Майор беспрепятственно получает доступ к любым документам и оказывается в курсе множества служебных и личных тайн...

Разговор с Бергером, состоявшийся в «Лютеции», выбил Мейснера из колеи. Бергер не требовал, не угрожал, говорил вежливо и мягко, но Мейснера не покидало ощущение, что его душили шелковым шнурком. Во всяком случае, он и не подумал скрыть от майора имя своего французского осведомителя и без колебаний дал обязательство немедленно связаться с «Лютецией», если в штабе Рейнике возникнут конкретные соображения по поводу «девицы из Марселя». Проверяя его лояльность, Бергер звонит в самое неподходящее время и требует отчетов. Он и сегодня может позвонить с минуты на минуту, и Мейснер почти в отчаянии: он убежден, что Рейнике дал указание прослушивать городской коммутатор. Самый невинный разговор с «Лютецией» вызовет его подозрение, и вместо обещанного железного креста лейтенант, грубо говоря, рискует заработать крест из другого, менее долговечного материала. В СД существует свое понимание термина «охрана секретности».

Но пока телефон молчит, и Мейснер, нервничая, без дела перекладывает бумаги. Их немного. Отработанные агентурные донесения, несколько рапортов постов наружного наблюдения, записи специалистов из секции телефонного перехвата. Дом на бульваре Осман, 24, обложен; как медвежья берлога. Сейчас уже нет сомнений, что здесь под вывеской «Эпок» действует основной филиал русского Центра во Франции. Осведомитель «Сюртэ» не подвел. Днюя и чуть ли не ночуя в пассаже Лидо и вертясь возле кафе, он наткнулся-таки на ту, кого гестапо и абвер знали под тремя разными именами. Жаклин Перро, она же Лили-Симона Мартен, она же Жаклин Леруа. Если под первыми двумя ее искали как связную между источниками и радистами ПТХ, то третья ипостась оказалась написанной не без помощи владельца «Эпок» Жака-Анри Леграна. Не составляло труда выяснить, что документы Лили-Симоны были выданы комиссариатом полиции за взятку, данную все тем же Жаком-Анри чиновнику паспортного отделения. Рейнике приказал не трогать чиновника до поры до времени и, кроме того, не прикасаться пальцем ни к одному из посетителей «Эпок». Даже получив уведомление об отъезде Леграна в Нант, бригадефюрер не стал торопиться и отклонил предложение Мейснера взять русского разведчика где-нибудь на полдороге.

— А зачем? — спросил он с обычной ленивой улыбкой.— Что мы выгадываем? Пусть походит еще немного по земле.

Мейснер попытался настоять на своем. С некоторых пор Рейнике дарит его своим расположением, и ему, кажется, нравится, что лейтенант иногда позволяет себе иметь собственное мнение.

— Я боюсь, что наблюдатели в Нанте могут спугнуть его,— заметил Мейснер.— Не все наши сотрудники достаточно ловки.

— Снимем наблюдение.

— Совсем?!

— А почему бы и нет? Чем мы рискуем?.. Мы держим под контролем все щели, ведущие в «Эпок», прослушиваем вторые сутки разговоры по телефону, не спускаем глаз с Жаклин Леруа. И все-таки узнали пока ничтожно мало. По правилам требуются месяцы, чтобы выявить хотя бы часть связей Леграна и убедиться, кто есть кто. Этих месяцев у нас в запасе нет. Допустим, что в Нанте Легран посетит сотню мест. Что же, прикажете арестовать всех, с кем он встречался, а потом до второго пришествия путаться в протоколах, адресах, покаяниях и оправданиях? На эту сотню только один-два адреса представляют для нас интерес, и легче всего будет узнать о них у самого Леграна, на Принц-Альбрехтштрассе. Для того же, чтобы он скорее развязал язык, требуется, чтоб арест свалился на него, как пепел на Помпею. Чаще всего человек бывает раздавлен внезапностью и уже не помышляет о сопротивлении... Что же касается Нанта, то он ценен для нас тем, что пеленгаторы радиополиции прослушивают идущие оттуда передачи. Сам факт пребывания Леграна в Нанте, преподнесенный на допросе под определенным соусом, способен заставить его заговорить и быть откровенным с нами до конца.

— Он пробудет в Нанте до среды.

— Вы проверяли?

— Я звонил в контору, и, кроме того, у Леграна действительно назначена встреча с представителями Тодта.

— Не вздумайте трогать их, Мейснер! И вообще — не трогать никого. Даже, если люди Леграна расположатся с передатчиками под окнами гестапо, мы обязаны ослепнуть и не заметить их. Я договорился, чтобы гестапо убрало своих наблюдателей с бульвара Осман и до четверга не предпринимало в этом районе акций против населения. Врагов нужно оберегать, Мейснер, если хочешь собственноручно перерезать им глотку.

Бергер, которому Мейснер в деталях изложил свой разговор, не выразил ни порицания, ни одобрения тактике, избранной бригадефюрером. Он сидел, разглаживая складки на коленях брюк, и только спросил:

— Это все? Вы ничего не запамятовали, Мейснер?

При этом плохо выбритая щека его дернулась и побледнела. Сидя боком к лейтенанту, Бергер, казалось, готов был задремать от скуки, и, если б не тик, Мейснер решил бы, что так оно и есть.

— Я стараюсь быть точным,— заметил он осторожно.

— Вы всегда ходите с портфелем?

— По большей части.

— И у Рейнике бываете с ним?

— Если бумаг много, то да.

— Он просто создан для диктофона! Странно, почему эта мысль не посетила вашу голову? Или вы предпочитаете быть не до конца откровенным со мной, Мейснер? Это ведь очень удобно — взять и забыть что-нибудь, а потом сослаться на скверную память. А?

«А что, если Рейнике заметит аппарат?» — подумал Мейснер, но отказаться не посмел. Диктофон, переданный ему Бергером, еле уместился в заднем отделении портфеля, и Мейснер замаскировал его сверху пустой папкой. Войдя с ним в кабинет бригадефюрера в первый раз и ставя портфель возле тумбы стола, лейтенант испытал сильнейшее желание немедленно рассказать Рейнике все, но вовремя вспомнил тихий голос Бергера и его невыразительное лицо профессионального убийцы и прикусил язык. В эту минуту он был сам себе противен...

С приездом Бергера в Париж весь местный абвер подтянулся, как солдат нестроевой роты при виде генерала. Ни во что прямо не вмешиваясь и не уставая повторять, что он числится в отпуске, майор исподтишка прибрал к рукам и оперативную секцию, и радиороту, и лучшую агентуру. Шеф абвера делал вид, что это его не касается, и Бергер, приезжая в «Лютецию» — как правило, ночью,— вызывал к себе кого угодно и, не повышая тона, отдавал распоряжения, которые исполнялись чуть ли не молниеносно. Неведомым образом в «Лютецию» проник слух о его швейцарских похождениях,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—28.

Школьники города Осака на уроке рисования у стен старинного замка.

«Сад новобрачных».

Японские школьники в туристской поездке.

Храм кошек в городе Кагосима.

Дельфины играют в ватерполо.

До свидания, Япония!

и за глаза майора называли Шриттмейером; в этой простонародной фамилии было что-то уничижительное [1]. Скорее всего о женевской эпопее проболтался телохранитель Бергера, медлительный баварец, следовавший за ним, как тень. Он ходил за майором всю первую неделю, а в начале второй был отправлен в Берлин, и шеф парижского абвера под великим секретом сообщил своему заместителю, что из Берлина телохранитель проследовал прямо в дисциплинарную роту. После этого уже никто не решается даже за глаза именовать майора Шриттмейером, а капитан Шустер по поводу и без повода лезет к нему с докладами о своих ДКВ. Мейснер замечает все это и делает выводы, чтобы при случае поделиться ими в РСХА — он не очень верит в прочность своего вторичного назначения в абвер.

Звонка все нет, и Мейснер поудобнее пристраивает в портфеле диктофон. Поправляет чашечку микрофона, высвобождая ее из-под бумаг. Вчера Бергер недобро улыбнулся, прослушав запись, и сказал, что ему не нравится звук. Такое впечатление, будто Мейснер прятал микрофон в желудке. Лейтенант извинился: не всегда удается ставить портфель рядом с Рейнике, надо заботиться, чтобы он не лез в глаза.

Кабинетик Мейснера расположен прямо под кабинетом бригадефюрера. По шагам над головой лейтенант научился угадывать настроение Рейнике. Их хорошо слышно, когда он в добром расположении духа; если же Рейнике в гневе, то шаги напоминают легчайшее шуршание — у разъяренного Рейнике походка напоминает танец на пуантах.

Тихий шелест над головой извещает лейтенанта о готовящейся грозе. Он возник еще ранним утром и упорно не желает перерасти в четкое постукивание каблуков.

«Что там стряслось?» — гадает Мейснер, прислушиваясь к шагам и к телефону.

Причина гнева Рейнике — телеграмма. Ответ комиссара Гаузнера на запрос-молнию, посланный шифровкой, через голову обергруппенфюрера Мюллера. Бригадефюрера интересовало одно: нельзя ли вытряхнуть из Роз Марешаль хоть какие-нибудь данные об «Эпок»? Из старых сводок, истребованных Рейнике в ведомстве Шелленберга, выползло на свет божий имя Лео Шредера, коммерсанта из Парижа, приезжавшего в Женеву в прошлом году. Рольф, превосходно сыгравший роль Дюрока, запомнил это имя и включил в свой отчет. Время приезда Шредера в Женеву совпало с периодом отсутствия Леграна, имевшего постоянный паспорт со швейцарской визой. Человек Рейнике, работавший в консульском отделе швейцарского МИДа, сумел навести соответствующую справку... Бедняга Рольф! Он поплатился за свое рвение. После доклада Канариса Кейтелю Шелленбергу понадобился козел отпущения, и он пожертвовал Рольфом, спровадив его в Россию... Бергер явился в Женеву на готовенькое, прошелся по следам агентуры РСХА и, как и она, добрался до Ширвиндта. Сейчас майор в Париже и пытается своим поведением убедить Рейнике, что занят чем угодно, но не разведкой. Он еще не знает, что вхолостую проделал свой женевский вояж. Кальтенбруннер позвонил Рейнике по линии имперской связи и поделился новостью: Ширвиндт возобновил работу раций и продолжает жить в Женеве, словно ничего не произошло. Теперь будет трудно вытащить его из норы и уничтожить. Кальтенбруннер спросил Рейнике, считает ли он Скорцени подходящим человеком для физической ликвидации Ширвиндта. Старая дружба, связывавшая бригадефюрера и начальника РСХА, обязывала к откровенности, и Рейнике, скрепя сердце, ответил, что нет, в данном случае Отто ничего не добьется. Он привык действовать, как налетчик, а Ширвиндта надо тихо и бесследно спровадить в озеро или дать ему погибнуть в автокатастрофе. Ликвидация Ширвиндта будет самой ловкой подножкой Канарису, убежденному в несравненных достоинствах своего Бергера. «Я подумаю»,— сказал Кальтенбруннер и пожелал Рейнике успеха с «Эпок».

Рейнике подышал в трубку. Спросил:

— Мюллер и Шелленберг в курсе?

— Вряд ли,— сказал Кальтенбруннер.— Но все же постарайся застраховаться. У них есть свои люди в твоем штабе.

— Догадываюсь,— сказал Рейнике.— А как быть с Бергером? Он засунул в портфель Мейснера диктофон и пишет мои разговоры.

— Как ты узнал?

— О, есть места, куда не принято ходить с портфелем!

— Пусть пишет! Сейчас не так важно, кто конкретно арестует Леграна. Пусть это будет Бергер, а не мы, не возражаю. Право выявления Леграна у тебя никто не отнимет; но нельзя поручиться, будет ли он откровенен на следствии. Учти это!

— Ты считаешь?..

— Я ничего не считаю, мой дорогой! Как погода в Париже?

— Холодно,— сказал Рейнике, и на этом разговор закончился...

В шифровальный отдел ответ Гаузнера на запрос поступил ночью, но доложили его Рейнике только утром. Оседлав очками горбатый нос, Рейнике вновь перечитывает его. «4. III. 43. в 0. 20. Роз Марешаль казнена по указу рейхсфюрера СС. Смерть ее удостоверена врачом СС — оберштурмбанфюрером д-ром Лизеке, помощником начальника тюрьмы криминаль-ассистентом Гольцем и мною. Казнь, путем отчленения головы на плахе, была произведена в соответствии с Имперским декретом об охране государства от 20. XII. 34. Старший правительственный советник Гаузнер. Берлин. Подписано лично. Один экземпляр. Только бригадефюреру Рейнике. Подлежит уничтожению».

Рейнике аккуратно разглаживает телеграмму. Боже мой, какие ослы! Всегда и во всем спешат, словно их припекло! После ареста Леграна Марешаль могла бы и не запираться. Сколько всего ей было известно о швейцарских группах и каналах информации!..

Завтра среда.

Остаются сутки до того момента, когда Рейнике будет иметь удовольствие поговорить с господином Леграном. Надо ли подготовиться к нему или следует воспользоваться намеком Кальтенбруннера и предоставить «право первой ночи» Бергеру?

Решения нет.

С самого утра Рейнике прикидывает все «про» и «контра» и то склоняется к мысли услать Мейснера подальше от Булонского леса, то отказывается от нее, помня, что Легран может и не заговорить. Звонить Кальтенбруннеру и просить совета бессмысленно: Эрнст не захочет брать на себя ответственность за исход акции.

Утром Рейнике был у мадам д'Юферье. Гадали по черепу гильотинированного и на картах. Бубновый туз выпал из колоды и потянул за собой три других. Удача и исполнение желаний. Но для того, чтобы они исполнились, эти желания, надо сначала твердо решить, каковы они! А Рейнике ни в чем не уверен...

Но из лабиринта должен быть выход. Почему бы и не счесть, что намек Кальтенбруннера как раз и есть искомая нить Ариадны? При неудаче акции и расследовании Бергеру придется выложить пленку Мейснера на стол. Пока Мейснер жив, абвер побоится уничтожить запись. Она-то и явится лучшим из свидетельств в пользу Рейнике, сделавшего буквально все, чтобы обеспечить успех.

Рейнике нажимает кнопку звонка.

— Пригласите всех по этому списку. И господина Мейснера; он хотя и не внесен, но должен присутствовать.

Адъютант на цыпочках выходит.

Рейнике не любитель широких совещаний, и поэтому список краток. Пять офицеров СД, наиболее толковых в его штабе. Один из них наверняка является осведомителем Мюллера. Человека Шелленберга Рейнике до сих пор выявить не сумел.

Офицеры рассаживаются, и Рейнике, покосившись на желтый портфель Мейснера, поднимается с места.

— Завтра утром Легран приезжает из Нанта. Завтра же он будет арестован. Сделаем это тихо, в помещении «Эпок». До ночи никто не должен выйти из конторы — ни мы, ни тем более арестованные. Вывезем их под утро так, чтобы это не бросилось в глаза. «Эпок» пригодится в качестве мышеловки, и кому-нибудь из нас придется побыть в конторе несколько суток. Мы потом решим, кто останется в засаде... А сейчас обсудим, как вести себя, когда Легран выйдет из вагона. Мне кажется, лучше всего будет, если на вокзале его встретит Мейснер. И тут же позвонит мне. Наблюдать за Лег-

[1] Игра слов: schritt — шагающий; meier — фермер.

раном в пути следования запрещаю. Любая мелочь может насторожить его в самый последний миг и свести на нет наши усилия... Слышите, Мейснер, никаких самостоятельных шагов! То же касается и вас, господа. Группа, которая проникнет в «Эпок», выводит из игры Жаклин Леруа и людей в приемной. Легран не должен ничего заподозрить, пока не пройдет в кабинет. Там его примет один из вас и тут же наденет на него наручники... Наблюдателей с бульвара убрать сегодня же, всех до одного: и наших, если они остались, и агентуру абвера. Это я беру на себя. Чинов гестапо к акции допускать не следует, здесь нужен не топор, а бритва... Есть другие предложения, господа? Прошу не стесняться...

Не садясь, Рейнике исподлобья смотрит на присутствующих. Каждое слово произнесено им с расчетом на запись, в том числе и фраза в адрес гестапо: у Кальтенбруннера давние счеты с Мюллером, постоянно ищущим повода досадить начальнику РСХА. Эрнст будет доволен оценкой Рейнике.

Никто не спешит воспользоваться приглашением и не просит слова. Рейнике постукивает карандашом по крышке стола.

— Не слышу ваших предложений, господа! С кого начнем опрос? С вас, Мейснер?

Вставая, Мейснер едва не опрокидывает ногой портфель. Лицо его белеет, но Рейнике, сломавший кончик карандаша, занят тем, что выбирает другой, достаточно хорошо заточенный. Достав из вазочки подходящий, он поощряюще постукивает им по ладони, приглашая Мейснера начать.

— Бригадефюрер,— начинает Мейснер,— план великолепен, и я бы не осмелился возражать, если бы не одно «но».

— Но? Отлично, продолжайте, пожалуйста.

— Наши люди, если я правильно понял, должны занять контору до прихода Леграна.

— Это так.

— Мне кажется, что войти надо позже, вслед за ним. Легран может поехать к себе не сразу, и никто не поручится, что Леруа не сумеет подать ему знак об опасности. Какой-нибудь злополучный цветок в окне, хорошо видный с улицы, спугнет Леграна, и все придется менять на ходу.

— Но в кабинете Легран окажет сопротивление.

— Исключено! Он привык к визитам тодтовцев. Надо подставить ему людей в форме инженерных войск и предварительно известить Леруа об их визите. Я бы позвонил ей сейчас и попросил предупредить Леграна, что завтра в час дня к нему для переговоров прибудет группа экспертов Строительного управления министерства авиации. Что-нибудь, связанное с офицерскими казино на наших аэродромах во Франции. В такую легенду трудно не поверить.

Рейнике слушает, не сводя с Мейснера внимательных глаз. Дельно и разом убивает двух зайцев. Нет никаких сомнений, что Бергер, прослушав пленку, воспользуется вариантом самого Рейнике и опередит его людей. Что ж, пусть действует... Главное — Мейснер достаточно обосновал свое предложение, и, если Рейнике примет его, никто не назовет поступок бригадефюрера неразумным.

— Хорошо,— говорит Рейнике.— Последний пункт, господа. Все вы переходите на казарменное положение. Никто не покинет служебных помещений до завтра. Пользование телефонами, даже военными, исключено. Только это дает надежную гарантию секретности. Поймите меня правильно и не обижайтесь... Для вас, Мейснер, я вынужден сделать исключение. В вашем распоряжении час — за это время убедите свое начальство в «Лютеции», что едете на сутки в Фонтенбло. Я вовсе не хочу, чтобы шеф абвера оборвал все телефоны у нас, разыскивая своего офицера по связи. В пятнадцать ноль-ноль доложите мне о прибытии. У меня все, господа!.. Хайль Гитлер!

Мейснер первым покидает кабинет, неся под мышкой свой возмутительно пухлый портфель.

Внизу дежурный офицер без возражений дает ему мотоцикл. Обычно эта процедура походит на унизительное выклянчивание, но сейчас, очевидно, дежурного предупредил сам Рейнике.

— Только на час,— говорит молоденький и преисполненный важности унтерштурмфюрер.— Я запишу время.

Мейснер высокомерно выпрямляет спину и деревянным шагом спускается с крыльца. Желтый портфель больно бьет его по бедру.

При выезде из Булонского леса, у ипподрома, Мейснер вынужден затормозить. Серый «хорьх» с номерным знаком вермахта обгоняет его и прижимает к обочине. Мейснер останавливается и слезает с седла. Стекло в дверце «хорьха» ползет вниз, открывая взгляду лейтенанта небритое лицо Бергера.

— Пересаживайтесь,— предлагает майор.— Я решил не звонить вам сегодня, а подождать на улице. Вы чем-то огорчены?

— Нисколько,— говорит Мейснер.

— У нас есть время?

— Полчаса.

— Прокатимся немного, а Курт постережет мотоцикл.

— Пусть лучше проедется до «Лютеции» и обратно,— мрачно замечает Мейснер.— Дежурный все равно спишет показания спидометра, а километраж до «Лютеции» известен всем в штабе.

Бергер присвистывает.

— Дело дошло до этого? Ну, ну... Садитесь.

Мейснер лезет в «хорьх», а тощий ефрейтор, сидевший до той поры с Бергером, оседлывает мотоцикл. В зеркальце, укрепленном на переднем крыле машины, отражается перспектива пустой улицы, и Мейснер, нервно зевая, отодвигается в угол.

Окончание следует.

ОТЧИЗНА И ПОЭТ

Тема большая и трудная. И право на нее завоевывается всю жизнь. Всею жизнью. Об этом думаешь, читая книжку стихов Василия Ноздрева «Я шел, сражаясь за Россию». Отличительная черта этой темы — в ее «непреднамеренности». Она сама пришла к поэту, если не сказать — шла с ним всю жизнь, хотя он этого и не замечал. Как не замечают люди, что они дышат, что у них бьется сердце.

С этой темой он пришел на памятный парад 7 ноября 1941 года, а с парада — прямо к Наро-Фоминску, в бой: враг угрожал столице. Автор сражался за Россию как в близком, «до боли родном Подмосковье», так и там, далеко, у реки Халхин-Гол.

Так обреталось право на тему, так рождались стихи о Родине и о себе.

Родина, Ленин, Москва... Это большое и великое — не где-то там, а здесь и сейчас... В торжественном марше солдат проходит перед Мавзолеем, давая клятву «пусть умереть, но победить».

И час клятвы был часом ее исполнения: бои шли на подступах к Красной площади.

Враг рядом, но назад ни шагу —
В пяти шагах от нас Ильич.

Лермонтовское «Ребята! Не Москва ль за нами?», ставшее боевым кличем сражаться не на жизнь, а на смерть, в стихах поэта-воина наших дней прозвучало так:

...Земля поругана врагами,
И выбора нам не дано:
Москва любимая за нами
И впереди Бородино.

Так начато «Поле русской славы», чтобы в неизбежности своей завершиться словами:

...ураганом
Ушла на запад наша месть.

Здесь до невероятного сдвинута естественная ситуация боя, география боя, ставшие истиной истории и поэтической истиной.

Любит поэт чудесные просторы Родины, ее поля, ее леса. С русской природой его сроднило и другое, о чем поэт расскажет в стихотворении «Подранок». Он нашел раненую утку и спас ее.

Глупышка, умирать нам рано,
Весной нырнешь в лесной ручей...
Пойми, что я, как ты, подранок —
С осколком в ноющем плече.

О себе. Это проходит через весь сборник, окрашивая его теплотой лирического «я» и той субъективностью, о которой давно сказано: она открывает нам дверь в мир.

О себе. А это значит о Родине, о боевых товарищах: Россия помнит их «не мертвых, а живых».

О них, о ратном прошлом, о жертвах войны напоминает поэту все, вызывая ноющую боль утраты. Но это чувство преодолено жизнью.

Всматриваясь в облик лирического героя Василия Ноздрева, мы не можем не заметить в нем тревоги, озабоченности за судьбу мира, за судьбу планеты, уставшей от «долларовой суеты». Черта остросовременная. И как продолжение этого вырастает огромность ответственности за все, что происходит на земле.

Василий Ноздрев. Я шел, сражаясь за Россию. Стихи. Воениздат. М. 1970.

В. АРХИПОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЧТО ПОСОВЕТОВАТЬ ОЛЬГЕ?

Дорогая редакция! Я впервые пишу вам письмо. Сейчас нахожусь в тупике и обращаюсь к вам за советом.

Мне семнадцать лет. Учусь в 9-м классе. Дело в том, что я не хочу идти в 10-й класс, мне хочется работать. Хочу работать на фабрике (лучше ткацкой). Почему? Десятый класс я не вытяну. Не хочу сидеть на шее своих родителей и государства. Хочу сама зарабатывать себе на жизнь. Думаю сделать так. Кончу 9-й класс, пойду работать и буду учиться в вечерней школе. Потом поступлю в институт. Вы скажете, что всего один год остался. Но я ведь этот год только потеряю. В институт на очное отделение я не поступлю. Сейчас многие работают и учатся заочно. Вот и я так же хочу.

Скука, тоска, даже книги не занимают меня. Хочется окунуться в жизнь со всеми ее горестями и радостями. Живу я в интернате, ушла из дома, потому что не выношу характер отца. Я не нашла в интернате чего хотела. Разочаровалась. Не хочу ни от кого зависеть, хочу быть самостоятельной, выйти в жизнь. Моя самая заветная мечта стать актрисой. Мне кажется, я ей буду. Поступлю на заочный во ВГИК.

Только, пожалуйста, не думайте, что я написала в мгновенном порыве. Я все взвесила, проанализировала. Подскажите мне, как лучше поступить. И куда пойти работать. На фабрике сперва работаешь учеником. Сколько времени? Так ведь?

А может быть, я поступаю неправильно?..

С комсомольским приветом Ольга Н.
Магаданская область.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ольга Н. просит редакцию «Огонька» ответить ей, правильно ли она поступает. А что посоветуют читатели девушке из Магаданской области?

Выполняя просьбу автора, мы не указали ее фамилию.

ПОСИДИМ В ЛИФТЕ

ФЕЛЬЕТОН

Как говорится, от имени и по поручению миллионов пассажиров лифтов я хочу пригласить к себе кое-кого в гости. Приходите, приезжайте, прилетайте, дорогие Анатолий Леонидович Розинов, Василий Иванович Иорин, Степан Ефимович Артемьев, Николай Яковлевич Прозоров, Ашот Николаевич Восканян. Ведь это вы изготовляете лифты в Карачарове, Могилеве, Ленинграде, Никополе и в армянском городе Спитак? Милости просим, поднимемся ко мне. В лифте. Страшно? А каково нам, рядовым пассажирам? Но, как говорится, лифтов бояться — в гости не ходить. Вошли? А теперь нажимайте кнопку, нам на двенадцатый этаж. О, поехали! Первый... второй... пятый... девя... Застряли! Так я и знал! Жмите на кнопки, жмите! На любые! Не действует? Тогда давайте дружно: «Ка-ра-ул!» Еще раз: «Ка-ра-ул!» А вот и помощь! Дорогой друг, умоляем, спасайте нас, срочно звоните в аварийную! Спасибо.

Ну-с, товарищи по несчастью, теперь давайте побеседуем по душам. Время у нас есть. Послушайте, что говорил мне управляющий московским трестом «Лифтремонт» Иван Егорович Егоров. Знакомая фамилия? Вели переписку и даже часто? И протоколы были? М-да... Так вот послушайте, что он рассказал. В Москве более тридцати трех тысяч лифтов. А сколько аварий? Пришлось создавать шесть районных аварийных служб, в которых круглосуточно работает около двухсот человек. По сути дела, их следовало бы содержать за ваш счет... В чем дело, товарищи, почему вы уселись на пол? Ах, устали стоять! Так ведь еще и часу не прошло. Долго? А вы представляете себе, сколько дел у аварийной службы? Случается до шестисот вызовов в сутки!

А вот и наш спаситель! Дорогой коллега, вы дозвонились в аварийную? Наша очередь восемьдесят шестая? Огромное спасибо!

Ну-с, продолжим нашу беседу. Борис Федорович Скрипка вам известен? Ну как же, управляющий трестом «Рослифтремонт». Этот трест обслуживает такие города, как Свердловск, Горький, Новосибирск, Воронеж, Красноярск, и еще более полутораста городов. Создано сорок восемь аварийных служб. Работают там триста человек, которых тоже следовало бы содержать за ваш счет. Почему? А очень просто. Телевизоры и холодильники, например, у вас есть? Ну, конечно. А если они выходят из строя раньше гарантийного срока, кто их чинит? Гарантийная мастерская, принадлежащая заводу-изготовителю. То-то... Кстати, почему гарантии на ваши лифты всего один год с момента пуска? Молчите? Тогда я отвечу за вас: качество, товарищи, качество! Ну разве можно с таким низким качеством подниматься так высоко? Правда, будем справедливы — на вас, товарищи Розинов и Иорин, жалоб стало куда меньше, чем на ваших коллег, особенно на товарища Восканяна. Мастера просто за голову хватаются, получив продукцию из Спитака.

Ах, заказчики тоже бывают виноваты? В чем? Держат лифты по два-три года под открытым небом, раньше чем начнут устанавливать? Да, действительно безобразие. Тут уж, конечно, никаких претензий к вам в отношении гарантии. Но все же почему всего один год? Почему бы не гарантировать пробег лифта по километражу, как это делается в отношении автомобилей? Ведь и разница только в том, что автомобиль движется, так сказать, по горизонтали, а лифт — по вертикали.

А вы знаете, уважаемые товарищи, сколько несчастных просыпаются по ночам от шума лифтов? У взрослых и даже у детей, говорят, на этой почве развивается нервный тик. Кстати, слышали вы что-нибудь о постановлении относительно борьбы с шумом? Знаете, конечно. А два специальных постановления о выпуске бесшумных лифтов? Тоже известны? Ну, и что? Где ваши обещания? Молчите...

Ага, вот и аварийная помощь подоспела! Сейчас нас выпустят. Нет? Почему? Наш лифт устаревшей системы и снят с производства? Ну и что? Запасные детали, оказывается, тоже сняты с производства? Хорошенькое дело! Да, да, я припоминаю: товарищи Егоров и Скрипка в один голос жаловались, что запасными частями вы обеспечиваете всего на 15—20 процентов.

Уф, все-таки выпустили нас из клетки! Ну, что же, товарищи директора, спасибо за содержательную беседу. Приезжайте еще, посидим в лифте снова, потолкуем. Только уж на этот раз прихватите с собой аварийный запас, и не только деталей, но и, так сказать, сухой паек...

Впрочем, если такого не случится, давайте будем считать это хорошим знаком. Знаком качества.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

ВЫ ПРОСИТЕ СОКУ?..

«Пейте соки!» — призывает реклама. Впрочем, сейчас, в летнее время, и агитировать ни к чему. Жара, и все устремляются к автоматам с газировкой, к бочкам с квасом, к прилавкам, где должны торговать соками. Устремляются, но, увы, жажду утолить удается далеко не всегда. Случается, что напитки, с которыми иные плакаты призывают активно бороться, найти куда легче, чем пропагандируемые рекламой соки. И, как ни странно, в дефицитных значатся в Минске вовсе не какие-нибудь соки заморские вроде манго, а самые что ни есть доморощенные, обыкновенные — клюквенный, брусничный, черносмородинный, голубичный, черничный... Нет, нет, это не печальные последствия дождливого или сухого лета, бесснежной зимы, чересчур поздней весны. Так уже повелось давно.

В чем причины соковой недостаточности?

Проблема явно «незаконнорожденная». Появилась она потому, что организация этого дела интересует далеко не всех, кого она должна заинтересовать. Рассуждений на сей счет хватает, объективных причин выдвигается предостаточно. А что за всем этим? Заговоришь, например, о клюкве, и тебе сразу аргумент: мелиорация идет, болота осушают — вот и исчезает клюква, скоро совсем переведется. Что верно, то верно. Но болота осушают уж вон сколько лет, а потому исчезновение клюквы нужно было предвидеть и загодя позаботиться о создании искусственных плантаций, благо есть зарубежный пример, да и своя наука существует. Но в Госплане, в Министерстве сельского хозяйства республики имеются только проекты, а когда они будут реализованы, ответить никто не берется.

— Если б с одной только клюквой туго приходилось,— сокрушается первый заместитель министра пищевой промышленности БССР Н. Баранов.— Попробуйте найти колхоз или совхоз, где была бы плантация клубники, либо вишни, либо смородины, либо черноплодной рябины! Единицы. И питомников у Министерства сельского хозяйства нет — иной и рад бы саженцев купить, да негде. Откуда же браться сокам?! Мы для своих заводов новейшее оборудование получаем, а загрузить его на полную мощность не можем. Надо объединять выращивание и переработку. Но здесь пока сдвигов нет. Некоторое время назад министерству отдали четыре совхоза, но пока мы создавали там условия для специализации, совхозы у нас отобрали. А «чужих» попробуй уговори заниматься черноплодной рябиной или вишней!

Уговорить, конечно, трудно. Особенно при нынешней системе заготовок. Ее и системой-то не назовешь. Заготавливают кто как изловчится: Министерство пищевой промышленности — себе, местная промышленность — тоже себе и потребкооперация — себе. Никто не следит за соблюдением сроков заготовок, и, конечно же, распыленность порождает кустарщину. Давно уже на повестке дня создание единой заготовительной организации. Пора бы уж и решить.

А пока... Пока стакан сока остается проблемой.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

В. ГАЛЬЧЕНКО,
начальник
отдела общего надзора
прокуратуры Киева

■

Беда от незнания

У меня в кабинете сидит взволнованный человек, заведующий секцией магазина «Гастроном» Игнат Федорович Грищенко. Зашел посоветоваться. С ним приключилась неприятная история. На первый взгляд не такая уж громкая. Грищенко поехал на завод и, согласно разнарядке, получил для своего магазина дрожжи. Полную машину. На заводе не хотят возиться с малыми партиями такой продукции. А дрожжи имеют свойство быстро портиться. Магазин же находится не на бойком месте. И решил заведующий секцией, минуя «Гастроном», подбросить товар на Подольский рынок, чтобы побыстрее продать. Приехали, развернули торговлю. Продавец, сопровождавшая Грищенко, повела себя нечестно: потихоньку обсчитывала покупателей. Люди возмутились, вызвали милицию. В результате и машина, и продавец, и Грищенко с документами на товар были задержаны. Вначале Грищенко полагал, что все произошло из-за помощницы, которая, спору нет, заслуживала наказания. Но, когда ему сказали, что прежде всего нарушение допустил он сам, Игнат Федорович даже изумился. Он и понятия не имел, что продажа на рынке товара, предназначенного для магазина, допустима только при наличии соответствующего разрешения. «Да ведь я же хотел как лучше, чтобы и людям на пользу и государству не в убыток...» — сетует Грищенко.

Я бы не стал размышлять над этим случаем, если бы человек, пришедший ко мне, не работал в торговле целых тридцать лет. Причем работал безупречно.

Служба моя такова, что я не имею права делать выводы только на основании собственных или чьих-то эмоций. Я легко представляю возмущенного Грищенко: «Да за что вы меня к ответственности привлекаете? Если бы я знал, что нельзя, то ни за что!..» Но одних эмоций недостаточно, чтобы убедиться в неосведомленности обвиняемого. Более того, существует положение: незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Но мне хотелось все же выяснить подспудный смысл происшедшего, и на основании многих фактов я пришел к заключению: Грищенко нарушил закон, сам того не подозревая.

Беседуя с ним, я еще раз столкнулся с далеко не новой

ЗАКОН И МЫ

ЗАМЕТКИ ПРОКУРОРА

для юриста ситуацией. На протяжении тридцати лет Грищенко систематически получал все нужные ему и весьма полезные профессиональные знания. Его учили вежливости, он познал нормы финансовой и трудовой дисциплины, его посылали на курсы, где он приобретал навыки в определении качества, сортности товаров, с ним вели беседы о гигиене в торговле, читали лекции о снабжении, о конъюнктуре. Но никто не познакомил его с правовыми нормами, с требованиями законов, касающимися профессии продавца.

И если бы подобный пробел был бедой одного только Грищенко! Мы встречаемся со множеством случаев элементарного незнания законов. Кто же должен взять на себя функции правового наставника? Мы, работники прокуратуры? Юрисконсульт? А может, отделы кадров?

Слабое звено

В Киеве есть управление треста, название которого не выговоришь: «Укртяжспецжелезобетонстрой». Кто только такие названия выдумывает! Был там начальником Э. Лемпель. Его от занимаемой должности освободили по причине бездушного отношения к рабочим. Когда в управление прибыло тринадцать выпускников Северо-Донецкого профтехучилища, им не создали нормальных условий, ребята жили в недостроенном здании, без воды, без света, им задержали выдачу зарплаты. Словом, был грубо попран закон о труде.

Управление принял новый начальник, А. Тихий. Памятуя, чем завершилась карьера его предшественника, он решил, что самое лучшее — избавиться от «источника конфликта», от этих самых молодых рабочих.

Не могу утверждать, известно ли было Тихому о том, что его решение противоречило двум требованиям закона: нельзя увольнять молодых производственников в течение срока их работы по месту назначения и нельзя уволить работника, игнорируя профсоюз. Но дело не в нем, начальнике. За свои незаконные действия он получил то, что должен был получить: Тихого привлекли к уголовной ответственности, и народный суд осудил его на три года лишения права занимать руководящие должности (к сожалению, мы еще редко прибегаем к такой мере наказания) с полным возмещением нанесенного людям и государству ущерба. Меня насторожило другое. Почему в этом деле столь неблаговидную роль сыграли работники отдела кадров управления? «Замысел» Тихого осуществлялся следующим образом. Начальник дал указание отделу кадров подготовить документы на увольнение молодых рабочих, бухгалтерии — произвести расчет. И все это сделать втайне. Рабочим объявили, что всех их посылают в командировку в Кривой Рог. Один из сотрудников отдела кадров отправился вслед за рабочими и уже в Кривом Роге, раздав им трудовые книжки, поставил в известность об увольнении...

Но ведь люди, которым поручено важное государственное дело — работать с кадрами, обязаны применять закон. Следовательно, отдел кадров, будь то на стройке, на предприятии или в учреждении, должен строго следить за соблюдением закона о труде.

Почти ежедневно по роду своей работы я встречаюсь с теми, о которых у нас иногда не без иронии говорят: он «сидит на кадрах». Не хочу никого обидеть, среди «кадровиков» много уважаемых, трудолюбивых людей. Но иногда беседуешь с таким работником о причинах нарушения законов и уже заранее знаешь его ответ: «Про такой закон первый раз слышу!» «Про такой» — это почти про все, о которых ведем с ним речь. Может быть, мне не повезло, но я не встретил еще в отделах кадров товарища, который, к примеру, был бы знаком с требованиями, предъявляемыми законом при оформлении на работу по совместительству.

В отделах кадров большинство сотрудников не имеют юридической подготовки. Получается парадокс: должностные лица, закон применяющие, не знают законов. И потому зачастую нарушают их. Допустят ли в цехе к станку человека без документа, удостоверяющего его квалификацию? Примут ли на работу врача или педагога без диплома об образовании? Конечно, нет. Почему же работники отдела кадров не имеют специальной подготовки как минимум в объеме среднего юридического учебного заведения?

Проблема слишком серьезная, чтобы не призадуматься над ней.

Министр приказал

Когда там, где необходимо было соблюсти дух и букву закона, я слышу смягчающую формулировку: «Он не проявил принципиальности»,— меня коробит: при чем здесь принципиальность? Закон есть закон, он или выполняется, или нарушается. Третьего не существует. Так же, как не существует законов для одних и для других, закон один для всех, перед нашим законом равны все члены советского общества.

Но есть люди, которые полагают, что, поднявшись на некую ступень служебной лестницы, вроде бы уже и не обязаны придерживаться всех законоположений.

Припоминается такой случай. Киевский ликеро-водочный завод считался предприятием, где все четко налажено, где работа идет ритмично. И на самом деле, завод выполнял, даже перевыполнял производственные задания. Но вот стали поступать в прокуратуру тревожные сигналы: на заводе процветает практика сверхурочных работ. И ввел ее директор Н. Савченко, не считаясь с возражениями заводского комитета профсоюза.

Проверка подтвердила: налицо нарушение целого ряда требований закона. Директор, человек с опытом, знающий свое дело, вел себя странно. Он не мог вразумительно объяснить, чем были вызваны его приказы о сверхурочных работах. Оказалось, что Савченко действовал закону вопреки, выполняя приказы свыше. Министр пищевой промышленности УССР Н. Сано категорически потребовал от предприятия сверхплановую продукцию. Но при этом не выделялись ни дополнительные фонды заработной платы, ни производственные мощности, не увеличивалось число рабочих. Обычным нормальным путем выполнить министерские приказы было невозможно. Тут-то и начались сверхурочные. Однажды, подчинившись требованию профсоюза отменить работу в выходной день (перед тем работали и по праздникам), директор получил от министра строгое предупреждение: дескать, профсоюз профсоюзом, а мой приказ остается в силе.

Вступить в конфликт с министром у Савченко не хватило смелости. Директор завода нарушил закон и от ответственности за это не освобождается. Но в еще большей степени закон нарушил министр, оказывая нажим на подчиненного. Тут даже не скажешь: «Я не знал». Министр в первую очередь обязан знать закон.

Сознательное принуждение подчиненных поступать закону вопреки — грубейшее нарушение правовых норм, какими бы целями оно ни мотивировалось. Поэтому Президиум Верховного Совета СССР, обобщив аналогичные факты, указал отдельным должностным лицам на недопустимость таких действий.

Обходя закон, некоторые руководители полагают, что поступают в интересах дела и даже государства. Но ведь это не что иное, как самообман, ложное истолкование мотива со ссылкой на общественные интересы. Наши законы не придумываются одним человеком, они вырабатываются обществом, и любое отступление от закона идет обществу не на пользу, а во вред. Здесь правовое начало тесно переплетается с моральным, тут действует цепная реакция негативного примера: «Если сам Иван Иванович с законом не очень-то церемонится, то нам уж сам бог велел!»

На мой взгляд, мы еще по-настоящему не осознали всей опасности барски-пренебрежительного отношения к закону со стороны отдельных руководителей ведомств, хозяйственников. И нечего греха таить, иногда под гипнозом должности, титула или имени мы вроде бы и побаиваемся пресечь явное, всеми видимое отступление от закона, чем тоже, в свою очередь, закон нарушаем. Всякий, преступивший закон, должен знать о неотвратимости наказания. А к тем, кто решается прямо или косвенно требовать игнорирования законов, надо подходить с повышенной строгостью. Кому много дано, с того многое и спросится.

Михаил ХОДАКОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Сказка о том, как трое друзей отправились искать страну Вежливанию и чем это закончилось

1. ДРУЗЬЯ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

— В таких случаях вы должны первыми сказать «Здравствуйте» и...— Но тут голос учителя Дятла заглушили рычание и отчаянный визг.

Дятел постучал клювом о дерево — словно барабанная дробь разнеслась по лесу.

Ученики — медвежата, бельчата, зайчата, лисята, ежи, кабанята, еноты — притихли.

Только пыхтел медвежонок Мишуня и повизгивал кабаненок Поря.

— Опять вы плохо ведете себя на уроке,— сказал Дятел.— Чего вы не поделили?

— Я первый пришел на это место,— захрюкал Поря.— А он начал меня толкать!

— Это мое место,— произнес Мишуня,— а он тут разлегся!

— Нет, это мое место!

— Мое! Мое!

— Тише! — застучал Дятел.— На большой поляне вам места не хватает? Стыдно! Сколько раз я говорил, что нужно быть вежливыми, уступать друг другу...

— Я же не грубо, я очень вежливо его столкнул,— пробурчал Мишуня.

— Да, ударил лапой и сказал: «Катись отсюда, пожалуйста!» — захныкал Поря.

— Не буду разбирать, кто прав, кто виноват,— сказал Дятел.— Оба останетесь после уроков и будете сидеть на пеньках.

Сидение на пеньках было в лесной школе наказанием. Представьте себе: кругом все бегают, прыгают, играют, а ты сидишь на пеньке!

Неразлучным друзьям Мишуне и Поре больше всех приходилось сидеть на пеньках. И особенно часто это случалось после уроков Дятла, который учил зверюшек правилам хорошего поведения.

— Ну зачем мне знать, кто кому должен уступать дорогу? — удивлялся Мишуня.— Мне, медведю, и так все сами дорогу уступают!

— Моего отца, лесного кабана, все боятся и меня бояться будут,— поддерживал друга Поря.— А если меня кто-нибудь поросенком обзовет, то что ж, я, кабаненок, должен это оскорбление проглотить? Нет, я обидчику не спущу!

Дятел попросил лучшего ученика школы ежика по имени Шарик взять шефство над Мишуней и Пориком.

— Ты, Шарик, с ними подружись и помоги сделать их более воспитанными.

Шарик согласился, и вскоре во всем лесу не было таких закадычных друзей, как медвежонок, кабаненок и ежик.

— Почему ты такой вежливый? — спрашивали Мишуня и Поря ежика.

— Я же колючий,— объяснял Шарик.— Ведь если бы я вел себя так, как вы, то исколол бы всех... Я должен быть вежливым, чтобы не доставлять окружающим неприятностей...

Но друзьям ежик неприятностей доставлял множество: стоило Поре или Мишуне совершить какой-либо проступок, как Шарик сразу же ощетинивался и колол провинившегося.

Сначала друзья обижались, а потом привыкли и даже удивлялись, если Шарик их долго не укалывал.

Когда после урока Дятла наказанных Мишуню и Порю усадили на пеньки, Шарик сел с ними за компанию.

Друзей укрывал от горячего летнего солнца большой березовый сук. Вдруг на него уселась Сорока, огляделась и перебралась поближе к Мишуне. То одним глазом посмотрит, то другим.

— Здравствуйте, тетушка Сорока,— сказал Шарик.— Какие новости принесли?

— Опять Дятел вас наказал? — смеется Сорока.— Эх вы, все никак вежливыми не ста-

нете? А знаете, что есть за тридевятым лесом, за тридесятым болотом, как из Лукоморья выйдешь, так сразу налево страна Вежливания? Там все звери такие вежливые — куда там до них даже нашему Дятлу!

— Не слышал я про такую страну,— сказал Шарик.

— А почему ты должен все на свете знать? — огрызнулась Сорока.— Подумаешь, первый ученик! В Вежливании вежливости никто никого не учит. Там всем дают розовое мороженое, кто его съест, тот становится на всю жизнь вежливым... И никаких уроков, никаких занятий, никаких Дятлов!.. Я бы на вашем месте нашла Вежливанию, съела бы розового мороженого и вернулась назад вежливой-превежливой, всем на зависть.

Сорока затрещала, заверещала, захихикала и улетела.

Мишуня посмотрел на соседний пенек, на котором лежал грустный Поря.

— А что, если нам сходить в эту Вежливанию? — проговорил Мишуня.

— Нашли кому верить — Сороке,— сказал Шарик.— Да что вы, не знаете ее? Выдумает что-нибудь и растрезвонит по всему лесу...

— А я еще от кого-то слышал про розовое мороженое...— мечтательно произнес Поря.— Съешь его две порции — и сразу станешь вежливым-превежливым... и наказывать тебя уже никто не будет... Хорошо!

— Да не верьте вы этим сказкам! — рассердился Шарик.— Если не хотите учиться, никакое мороженое не поможет!

— Так вот,— заявил Мишуня,— учиться всяким там правилам я не хочу, но вежливым стану. Поря, ты со мной пойдешь в Вежливанию?

— Да я бы пошел,— сказал Поря,— очень мне хочется розового мороженого... Только если отец узнает, что я далеко ушел, мне попадет...

— Да и мои родители не особенно обрадуются,— вздохнул Мишуня.— Но если мы вернемся вежливые, то, я думаю, они мне это простят.

Мишуня совсем развеселился:

— Ну так идем в Вежливанию! Прямо сейчас!

— Идем! — захрюкал Поря.— Идем! Шарик, ты с нами?

— Но я же должен сказать маме, что я пойду...— начал было Шарик, но Мишуня замахал лапами.

— Что ты, что ты! — сказал он.— Твоя мать побежит к моей матери, и нас догонят через час... Нет, идти так идти!

— Если я вас отпущу одних,— сказал Шарик,— то вы попадете в какую-нибудь беду. И хоть я ни одному сорочьему слову не верю, но пойду, а то вы без меня пропадете!

И они пошли...

2. ДОРОГ НА СВЕТЕ МНОГО

Друзья отдыхали, потом шли, собирали ягоды, пили из ручьев, снова шли... Заночевали под кустом, утром снова отправились в путь.

— Все-таки нужно было бы узнать дорогу поточнее,— сказал Поря, когда друзья перебрались через реку.— Может, мы не туда идем?

— Эй, ты, хвостатая!— крикнул Мишуня Белке, сидящей на ели.— Прыгай сюда!

Но Белка презрительно фыркнула и перескочила на верхнюю ветку.

— Ну разве можно так невежливо разговаривать? — ужаснулся Шарик.— Разве так вас учили в школе? Она же не станет вам отвечать!

— Ладно, ты у нас самый вежливый, вот ты и разговаривай,— заворчал Мишуня.

— Здравствуйте, уважаемая Белка! — сказал Шарик.— Простите моих друзей, они очень устали и расстроены. Мы, кажется, заблудились. Скажите нам, пожалуйста, не знаете ли вы дороги в страну Вежливанию?

Белка спустилась пониже и внимательно посмотрела на путешественников.

— Добрый день,— ответила она.— Вы идете в Вежливанию?

— Да, да, да,— прохрюкал Поря.— Где она, в какой стране?

— Стран на свете много...— задумчиво произнесла Белка.— Их столько, что они с трудом размещаются на глобусе...

— А что такое глобус? — спросил Поря.— Мы этого еще не проходили.

— Проходили, проходили,— сказал Шарик,— ты просто прогулял этот урок. Простите, уважаемая Белка, что мы вас перебили...

— Глобус — это такой большой круглый орех, на котором нарисованы все леса, горы, моря, океаны... И все страны... Я видела глобус много раз, но страны Вежливании не заметила...

— Не хочешь сказать! — крикнул Мишуня.— Вот я тебя...

Белка фыркнула, бросила шишку в Мишуню и ускакала.

— Ой,— сказал Мишуня, потирая лоб.— Ой! — И тотчас же вскрикнул, потому что Шарик уколол его.— Ну, чего колешься?

— Ты обидел Белку,— проговорил Шарик,— она наверняка рассказала бы нам что-нибудь важное... Но если ты будешь грубить, то с тобой никто разговаривать не станет!

— Ну и наплевать,— сказал Поря.— Я сам знаю, нужно идти налево.

— Нет, направо,— произнес Мишуня.

— Ну неужели вы не поняли до сих пор, что страну Вежливанию выдумала Сорока?! — воскликнул Шарик.— Клянусь моими иголками, пусть я стану гладким, как гриб, если вру! Вежливании нет на свете!

— А кто это проверял? — хрюкнул Поря.— Глобусы, Белка могут ошибаться... Мы должны сами ее найти... Ох, розовое мороженое! Вы как хотите, а я иду налево.

— Иди,— махнул лапой Мишуня.— А мы с Шариком — направо.

— Нет, друзья, если уж идти дальше, то пойдемте вместе,— сказал Шарик.

— Только налево!

— Направо!

— Налево!

— Направо!

— Раз так, то хватит с меня!— воскликнул Шарик.— Я возвращаюсь домой!

— Подумаешь,— пробурчал Поря и юркнул в кусты налево.

— Эка потеря,— рыкнул Мишуня и зашагал по тропинке направо.

— Эх, друзья, друзья,— вздохнул Шарик и покатился назад, к лесу. Но чем ближе он подходил к родным местам, тем грустнее становился.

«Каждый пошел своей дорогой, мало ли что с ними может произойти? — думал Ежик про своих друзей.— Они такие невоспитанные, такие грубые, кто им захочет помочь в лесу? Нет, так не годится, нужно мне вернуться, может быть, Поря и Мишуня испугаются и тоже вернутся?!»

И Шарик покатился назад.

Долго он бежал, только изредка останавливаясь, чтобы перевести дух, и наконец добрался до ели, под которой произошла их ссора.

Там никого не было.

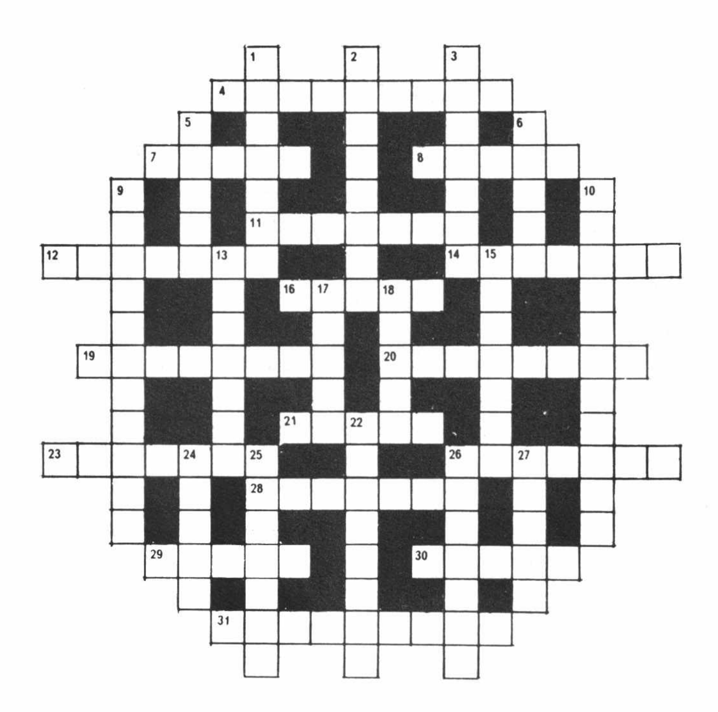
— Подожду,— решил Шарик, свернулся и заснул.

Разбудила его Белка. Она сидела на елке и швыряла в него шишки.

— Твой друг, тот, мохнатый, который невежливо разговаривал со мной, попал в беду,— сказала Белка.— Он пошел напрямик через овраги, зашел в чащобу, сбился с дороги и попал в страну Болотию. Болотийцы связали его и утащили к себе... А ты знаешь, что из Болотии никто еще не возвращался!

— Надо спасать Мишуню! — закричал Шарик.— Это я виноват, оставил его одного! Он ведь очень хороший медвежонок, только невоспитанный! Покажите мне скорее, как попасть в Болотию! Куда мне бежать?

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Смычковый инструмент. 7. Приток Иртыша. 8. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 11. Центр угольного бассейна в МНР. 12. Хореографический ансамбль. 14. Футляр для фотографической пленки. 16. Быстрый аллюр. 19. Оптический прибор для измерения световых величин. 20. Курорт на берегу Балтийского моря. 21. Школьная мебель. 23. Русский флотоводец. 26. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 28. Млекопитающее отряда китообразных. 29. Цветок. 30. Почтовый знак. 31. Часть опоры вала.

По вертикали: 1. Город в Московской области. 2. Твердое тело, имеющее форму многогранника. 3. Французский писатель. 5. Драгоценный камень. 6. Спутник планеты Марс. 9. Русский композитор. 10. Геометрическая фигура. 13. Руль судна. 15. Рассказ А. П. Чехова. 17. Главная артерия. 18. Вид гравюры. 22. Украинский поэт. 24. Огородное растение. 25. Советский физик, академик. 26. Короткоствольная винтовка. 27. Надстройка на палубе судна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 7. Оперетта. 8. Кроншнеп. 10. Севастополь. 11. Пасека. 13. Тенор. 14. Злотый. 18. Анероид. 19. Тангенс. 20. Галилей. 22. Турнепс. 24. Фрегат. 26. Песня. 28. Баренц. 29. Подосиновик. 30. Биология. 31. Мицкевич.

По вертикали: 1. Антракт. 2. Скрепер. 3. Апельсин. 4. Сенека. 5. Анализ. 6. Фельетон. 9. Станиславский. 12. Корсика. 15. Легенда. 16. Шифер. 17. Гарус. 21. Аренский. 23. Предание. 25. Творог. 26. Плотина. 27. Яломица. 28. Бричка.

●

На первой странице обложки: На рыбалку.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/VI-71 г. А 08174. Подп. к печ. 13/VII-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1331. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1539.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВОЛШЕБНЫЕ КОРНИ

См. последнюю стр. обложки.

Чем дальше отступает «дикая» природа от современных, стремительно разрастающихся городов, тем неодолимее становится тяга горожан к природе. Каждый спешит приобщиться к ней в меру своих возможностей. Я знаю московские квартиры, где на балконе, в кадках, на высоте девятого — двенадцатого этажа сгибаются под ветром трогательно юные березки и рябинки, а в пластмассовых ящичках распускаются по весне настоящие подснежники и горицветы. Вместительный аквариум в самом центре гостиной, всегдашняя толкотня в зоомагазинах — все это явления того же порядка.

Нередко чинную геометрию современного мебельного гарнитура взламывает вдруг причудливая коряга, привезенная бог весть из какой лесной глуши, и именно на ней, на этой грубой, первозданной коряжине, отдыхает глаз, утомленный унылым однообразием прямых линий.

Едва ли случаен живейший интерес горожан к корневой скульптуре. В наши дни ею увлекаются и пионеры и многие из маститых деятелей искусства. В одних случаях вмешательство автора ограничивается двумя взмахами ножа, в других — замысловатый корень становится объектом долгих поисков художника. Но самое примечательное в том, что зритель, любуясь совместным творением природы и человека, тоже как бы приобщается к процессу творчества. Потому что корневой скульптуре всегда присуща некоторая недосказанность, она всегда оставляет место для домысла, фантазии. И в этом, возможно, также скрыт секрет ее привлекательности.

Я не поленюсь сотню километров пронести в рюкзаке корень, если он возбудил мою фантазию, попадись тот замечательный корень хотя бы на кручах Тянь-Шаня, в Забайкальской тайге или пустыне Каракум.

Началось это увлечение не совсем обычно. Как-то в сумеречный предгрозовой час, спеша под укрытие своей палатки, я продирался сквозь чащу Жигулевского леса. Внезапно на фоне опаленного зарницей неба вскинулись корявые, черные руки. Отчетливо обрисовалось изогнутое в броске уродливое тело, сплюснутая голова чудища. Признаюсь, оцепенение прошло не сразу, и воображение не вдруг уступило здравому смыслу. Конечно, «чудище» оказалось иссохшим вязом, руки — сучьями, кривые, когтистые лапы — обнажившимися корнями.

Но и после «разоблачения» лесное «чудище» цепко держалось в памяти. На следующий день я вернулся к нему с туристским топориком и слегка подправил создание природы.

Года через два я навестил памятное место. «Чудище», вдоль и поперек иссеченное топором, изломанное, валялось на земле. Очевидно, кто-то отомстил ему столь жестоко за минуту страха.

Мне же лесной уродец сослужил добрую службу. С момента нашей встречи и до сего дня я ни разу не прошел мимо курьезов леса, в чем бы они ни выражались. Не перестает восхищать меня неисчерпаемая фантазия природы. Мои скульптурки, созданные в соавторстве с нею, экспонировались на многих выставках, стали героями книжки, неоднократно снимались в кино.

Виктор БАЛАШОВ

С ЭМБЛЕМОЙ СПАРТАКИАДЫ

Я держу небольшую книжку в яркой обложке. Называется она «100 советов по физической культуре и спорту». Этот сборник выпустило стотысячным тиражом издательство «Физкультура и спорт» (составитель А. Колодный). Получилась своеобразная энциклопедия, в которой любитель спорта найдет ответы на многие интересующие его вопросы. Круг этих вопросов удивительно широк. Какое место в жизни современного человека занимает физическая культура? С чего начать занятия спортом? Что нужно знать спортивному эрудиту? Как осуществлять врачебный самоконтроль при занятиях спортом? Как самим построить спортплощадку? Что нужно знать начинающим коллекционерам? Это только несколько тем из тех, которые охватывает сборник.

Книга «100 советов» вышла в свет накануне финальных стартов V Спартакиады народов СССР. Она станет хорошим сувениром для тысяч зрителей спартакиадных баталий.

— А что еще издательство «Физкультура и спорт» выпустило специально к V Спартакиаде народов СССР?

На этот вопрос отвечает директор издательства М. В. Шишигин:

— Основной нашей спартакиадной продукцией являются плакаты-афиши и программы соревнований. В этом году мы выпустили 31 название плакатов общим тиражом почти два миллиона экземпляров. Среди удачных можно назвать работы молодых художников Г. Полонского «Парусный спорт», В. Вольфа «Стрельба из лука», Б. Штернберга «Гребля на байдарках и каноэ» и «Конный спорт», плакат художника А. Сухова, посвященный всесоюзной выставке «Книга и спорт в СССР», которая будет проходить в Лужниках в дни Спартакиады. Кстати, наше издательство занимает самое большое место в экспозиции этой выставки.

В. ВЕРИН

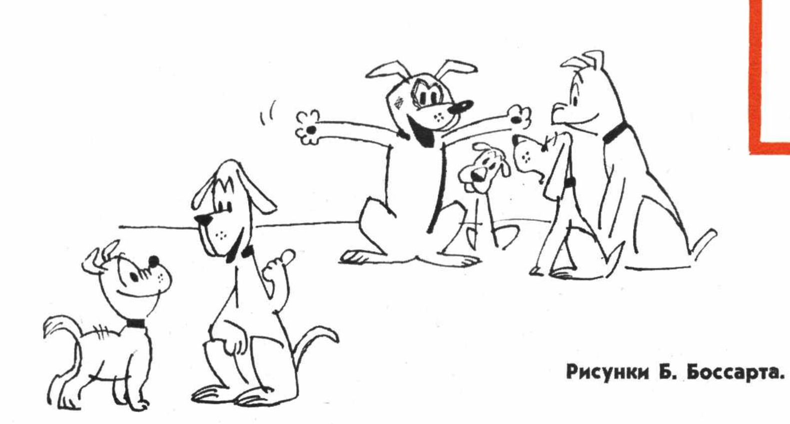

— Жена просила вернуть вам обратно.

Рисунки А. Алешичева

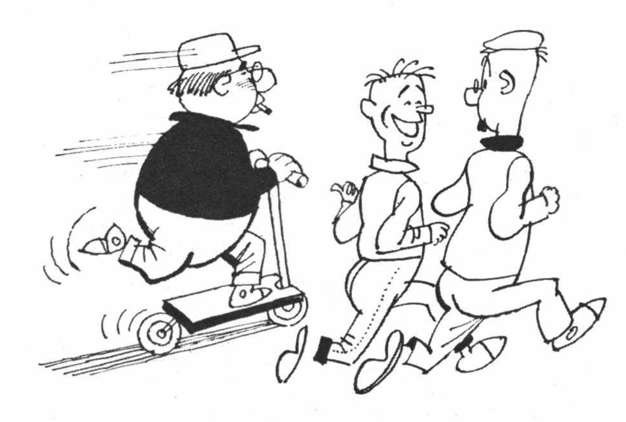
— Займешься ли ты наконец детьми?

Рисунки Б. Боссарта.

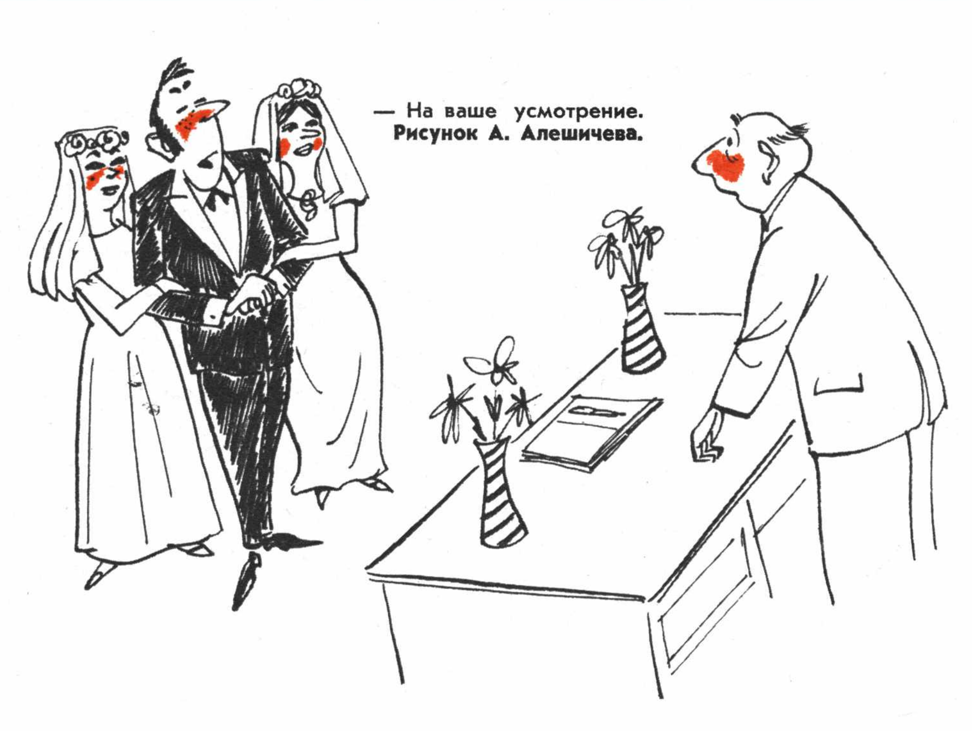
— В прошлое воскресенье ездил с хозяином на рыбалку.

— Не хотел утром бегать. Теперь нашел компромиссное решение.

— Я пошла на рынок, Вовке скажешь, чтобы ел суп и котлеты.
Рисунок Е. Горохова.

— На ваше усмотрение.
Рисунок А. Алешичева.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.